

ТОЛКОВАНИЕ
НА ДЕЯНИЯ И ПОСЛАНИЯ
СВЯТЫХ АПОСТОЛОВ

Блаженного
Феофилакта Болгарского

в трех томах

том второй

Феофилакт Болгарский
Толкование на Послания
святого апостола Павла. Часть 1

Серия «Толкования на деяния и
послания святых апостолов Блаженного
Феофилакta Болгарского», книга 2

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=308572

Толкование на Послания святого апостола Павла. Часть 1: Сибирская Благовонница; М.; 2009

ISBN 978-5-91362-181-8

Аннотация

Святой блаженный Феофилакт Болгарский составил толкование Нового Завета, а также подробное истолкование Деяний Апостолов, Соборных посланий Апостолов и Посланий Апостола Павла. В них он предлагает в основном сокращение обширных толкований древних отцов Церкви, из которых берет только то, что нужно для точного уразумения объясняемого места.

Содержание

Толкование на Послание к Римлянам	4
Предисловие	4
Глава первая	5
Глава вторая	14
Глава третья	20
Глава четвертая	25
Глава пятая	29
Глава шестая	33
Глава седьмая	37
Глава восьмая	42
Глава девятая	51
Глава десятая	57
Глава одиннадцатая	61
Глава двенадцатая	67
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Толкование на Послания святого апостола Павла. Часть 1

*По благословию митрополита Ташкентского и
Среднеазиатского ВЛАДИМИРА*

*Издается по: Благовестник, Толкование на Деяния и
Послания святых апостолов блаженного Феофилакта, архиепископа
Болгарского. СПб., 1911.*

Толкование на Послание к Римлянам

Предисловие

Постоянное чтение Божественных Писаний ведет к познанию их, ибо не лжив Тот, кто сказал: **Ищите и найдете; стучите, и отворят вам** (Мф. 7,7). Поэтому мы узнаем тайны из посланий блаженного Павла, если будем читать послания эти постоянно и тщательно. Апостол сей всех превзошел словом учения. И справедливо; ибо он больше всех потрудился и приобрел обильнейшую благодать Духа: что видно не только из посланий его, но и из Деяний апостольских, где говорится, что за совершенство в слове неверующие почитали его Меркурием (см. Деян. 14, 12). Первым предлагается нам Послание к Римлянам; однако не потому, будто оно написано прежде прочих посланий. Так, прежде Послания к Римлянам написаны оба Послания к Коринфянам, а прежде Посланий к Коринфянам написано Послание к Фессалоникийцам, в котором апостол Павел с похвалою намекает им о милостыне, посланной в Иерусалим (1 Фес. 4, 9-10; ср. 2 Кор. 9, 2). Кроме того, прежде Послания к Римлянам написано еще Послание к Галатам. Несмотря на это говорю, что Послание к Римлянам есть первое из прочих посланий. Почему же оно получило первое место? Потому, что в Священном Писании такой порядок не необходим. Так и двенадцать пророков, если брать их в том порядке, в каком они в ряду священных книг, не следуют один за другим по времени, но разделены между собою большим промежутком. А пишет Павел к Римлянам, с одной стороны, потому, что на нем лежал долг проходить священное служение Христово, а с другой – потому, что римляне были как бы предстоятелями вселенной, ибо кто приносит пользу голове, тот приносит пользу и остальному телу.

Глава первая

1. Павел, раб Иисуса Христа, призванный Апостол, избранный к благовестит Божию.

Ни Моисей, ни после него многие, даже евангелисты, не выставляли имен своих перед писаниями своими, а блаженный Павел ставит имя свое перед каждым посланием своим: это потому, что те писали для живших вместе с ними, а он посылал писания издали и по обычаю исполнял правило отличительного свойства посланий. Только в Послании к Евреям он не делает этого; ибо они ненавидели его: посему, чтобы, услышав тотчас имя его, не перестали слушать его, утаивает имя свое в начале. А для чего он из Савла переименован Павлом? Для того, чтобы ему и в этом не быть меньше верховного из апостолов, названного Кифою, что значит Петр (Ин. 1, 42), или сыновей Зеведея, нареченных Воанергес, то есть сыновьями грома (Мк. 3, 17).

Раб. Рабство имеет многие виды. Есть рабство по сотворению, о котором говорится: *все служит Тебе* (Пс. 118, 91). Есть также рабство через веру, о котором сказано: *от сердца стали послушны тому образу учения, которому предали себя* (Рим. 6, 17). Наконец, есть рабство по образу жизни: в этом отношении назван рабом Божиим Моисей (Нав. 1, 2). Павел – **раб** во всех этих видах.

Иисуса Христа. Предлагает имена Господни от воплощения, восходя снизу вверх: ибо имена «Иисус» и «Христос», то есть Помазанный, суть имена после воплощения. Помазал же отнюдь не елеем, но Духом Святым, который, конечно, бесценнее елея. А что помазание бывает и без елея, послушай: *не прикасайтесь помазанным моим* (Пс. 104, 15): какое изречение надобно относить к бывшим до закона, когда не было даже имени помазания посредством елея.

Призванный. Слово это означает смиренномудрие; ибо им показывает апостол, что он не сам искал и нашел, но был призван.

Апостол. Это слово употребил апостол в отличие от прочих званых. Ибо все верные призваны; но они призваны для того только, чтобы уверовать, а мне, говорит, вручено еще апостольство, которое вверено было и Христу, когда Он посылался Отцом.

Избранный к благовестит Божию. То есть выбран к служению благовестия. Иначе: «избран» вместо «предопределен» к этому, как и к Иеремии говорит Бог: *Прежде нежели ты вышел из утробы Я освятил тебя* (Иер. 1, 5). И сам Павел говорит в одном месте: *Когда благоволил Бог, избравший меня от утробы матери моей* (Гал. 1, 15). Далее не напрасно говорит он: «зван» и «избран к благовестию». Так как слово у него было к тщеславным, то и внушает, что он достоин веры, как посланный свыше. Самое же благовестив называет так не по совершившимся только, но и по будущим благам, а именем благовестил тотчас утешает слушателя, ибо благовестив содержит не печальное что-нибудь, каковы предречения пророков, но сокровища несчетных благ. А благовестив это есть благовестив Бога, то есть Отца, и потому, что даровано Им, и потому, что делает Его известным, ибо хотя Он известен был и в Ветхом Завете, однако одним иудеям, но и им неизвестен Он был как Отец, впоследствии же, через благовестив, Он вместе с Сыном открылся всей вселенной.

2. Которое Бог прежде обещал через пророков Своих, в святых писаниях.

Так как проповедь ту поносили, как нововведение: то показывает, что она древнее язычества и прежде описана была у пророков; даже слово «благовестив» находится у Давида, который говорит: *Господь даст глагол благовествующим силою многою* (Пс. 67, 12), и у Исайи: *Как прекрасны... ноги благовестника, возвещающего мир* (Ис. 52, 7).

В святыx писаниях. Пророки не только говорили, но и писали и изображали действиями, например: Авраам посредством Исаака, Моисей посредством змия, воздеяния рук и заклания агнца. Ибо когда Бог имел уготовить нечто великое, то предвозвещает о том задолго прежде. Поэтому, когда говорит Он, что многие пророки *желали видеть, что вы видите, и не видели* (Мф. 13, 17); то выражает этим, что они не видели самой плоти Его, а потому не видели и знамений, совершающихся перед их глазами.

3. О Сыне Своем, Который родился от семени Давидова по плоти.

Здесь явно показывает два рождения; ибо через слова *о Сыне Его*, то есть Бога, указывает на рождение горнее, а через выражение *от семени Давидова* – на рождение дольнее. Присовокуплением же: «по плоти» показал, что и рождение по Духу принадлежит Ему. Поэтому благовестив есть не о простом человеке, ибо оно – о Сыне Божиим, и не о простом Боге, ибо оно о рожденном от семени Давидова по плоти, так что один и тот же есть то и другое, то есть и Сын Божий и Сын Давида. Поэтому да устыдится наконец Несторий.¹ Упоминает же и апостол о рождении Его по плоти, подобно как и три евангелиста, чтобы от него возвести слушателей к высшему рождению. Так и сам Господь сначала виден был человеком, а потом признан Богом.

4. И открылся Сыном Божиим в силе, по духу святыни, через воскресение из мертвых, о Иисусе Христе Господе нашем.

Выше сказал: *о Сыне Своем*, а теперь доказывает, как Он познан Сыном Божиим, и говорит, что *Он открылся* – по-славянски «наречен», то есть показан, утвержден, признан; ибо наречение есть самое признание, приговор и решение. Ибо все признали и решили, что Он – Сын Божий. Как так? *В силе*, то есть через силу знамений, которые Он творил. Притом *по Духу*, через Которого освятил верующих; ибо даровать это свойственно Богу. Также *через воскресение из мертвых*, ибо Он первый, и притом Он один, Сам воскресил Себя. Итак, Он узнан и открылся Сыном Божиим через воскресение; ибо и это великое дело, как и Сам Он говорит: *когда вознесете Меня от земли, тогда узнаете, что это Я* (Ин. 8, 28).

5. Через Которого мы получили благодать и апостольство, чтобы во имя Его покорять вере все народы.

Здесь признательность. Ничего, говорит, нет нашего, но все получено нами через Сына. Я получил апостольство и благодать через Духа. *Он*, говорит Господь, *наставит вас* (Ин. 16, 13). И Дух говорит: *Отделите Мне Павла и Варнаву* (Деян. 13, 2), и: *Духом дается слово мудрости* (1 Кор. 12, 8). Что это значит? То, что принадлежащее Духу принадлежит Сыну и наоборот. Благодать, говорит, и апостольство *получили*, то есть не по заслугам своим стали мы апостолами, но от благодати свыше. Но и убеждение есть дело благодати; ибо делом апостолов было ходить и проповедовать, а убеждать слушающих всецело принадлежит Богу.

Во имя Его покорять вере – по-славянски: *в послушание веры*. Мы посланы, говорит, не для споров и не для исследования или доказательства, но *в послушание веры*, чтобы поучаемые слушали, веруя без всякого противоречия.

Все народы. Благодать получили *все народы*, – не я один, но и прочие апостолы: ибо Павел не обошел всех народов; разве скажет кто-нибудь, что если не при жизни, то по смерти он ходит ко всем народам через послание. А веровали бы, слыша об имени Христа, а не о сущности Его; ибо чудеса творило имя Христово, и оно само требует веры, потому что и

¹ Несторий – основатель несторианской ереси, осужденной на III Вселенском Соборе. Умалая Божественную природу Иисуса Христа, разделял Божество и человечество Господа. – *Примеч. ред.*

его нельзя постигнуть разумом. Затем дар благовестия: оно сообщено не одному народу, как Ветхий Завет, но всем народам.

6. Между которыми находитесь и вы, призванные Иисусом Христом.

Здесь сокрушает высокомерие римлян. Вы не больше получили, сколько прочие народы, над которыми вы почитаете себя владыками; посему как проповедуем прочим народам, так и вам: не тщеславьтесь же. Иначе: и вы призваны, благодатию предупреждены, а не сами пришли.

7. Всем, находящимся в Риме, возлюбленным Божиим, призванным святым: благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа.

Не просто: **всем находящимся в Риме**, но: **возлюбленным Божиим**. Откуда же видно, что они возлюбленные? Из освящения; а святыми называет всех верующих. Прибавил же: **призванным**, укореняя в памяти римлян благодеяние Божие и вместе показывая, что хотя бы между ними находились и консулы и префекты, но Бог всех призвал тем же самым призыванием, каким и простолюдинов, одинаково возлюбив и освятив вас. Итак, поскольку вы одинаково и возлюблены, и призваны, и освящены; то не превозносите над незнатными.

Благодать вам и мир. И Господь заповедал апостолам, чтобы, когда входят в дома, это слово произносили первое. Брань, прекращенная Христом, которую породил для нас грех против Бога, была не легкая, а мир тот приобретен не нашими трудами, но благодатию Божиею: итак, первее благодать, потом мир. Апостол молит о непрерывном и ненарушимом пребывании обоих этих благ, чтобы опять, если впадем в грех, не возгорелась новая брань.

От Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа. О, как всесильна благодать, происшедшая от любви Божией! Враги и бесславные, мы стали иметь Отцом Самого Бога. Итак, от Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа да будут у вас непоколебимыми благодать и мир: Они даровали их, Они могут и сохранить их.

8. Прежде всего благодарю Бога моего через Иисуса Христа за всех вас, что вера ваша возвещается во всем мире.

Вступление, приличное душе Павла! Оно и нас научает благодарить Бога, и не только за собственные блага, но и за блага ближних; ибо в этом состоит любовь. Благодарить же не за земное и гибнущее, но за то, что римляне уверовали. А словами: **Бога моего** показывает тогдашнее расположение духа своего, присваивая общего Бога себе, как поступают и пророки, и даже Сам Бог, называя Себя Богом Авраамовым, Исааковым, и Иаков левым, чтобы показать свою любовь к ним. Благодарить, говорит, надобно **через Иисуса Христа**, ибо Он есть ходатай благодарения для нас ко Отцу, не только благодарить научающий нас, но и приносящий наше благодарение ко Отцу. За что же благодарить? **За** то, что **вера** римлян **возвещается во всем мире**. О двух предметах свидетельствует перед ними: и о том, что они уверовали, и о том, что уверовали с полною уверенностью, так что вера их возвещается во всем мире, а через них получают себе пользу все, горя соревнованием и подражанием царственному городу. И Петр проповедовал в Риме, но Павел, почитая труды его едиными со своими, благодарит за веру наученных Петром; так свободен он от зависти!

9. Свидетель мне Бог, Которому служу духом моим в благовествовании Сына Его, что непрестанно воспоминаю о вас.

Так как Павел еще не видался с римлянами, между тем хотел сказать, что всегда воспоминает о них, то и призывает во свидетели Того, Кто знает сердца. Заметь благоутробие апостола: он всегда воспоминает о людях, которых даже и не видал. Где же воспоминает? В молитвах, и притом непрестанно. **Служу** Богу, то есть рабствую **духом моим**, то есть не плотским

служением, но духовным, ибо служение языческое есть плотское и ложное, а иудейское хотя не ложное, но также плотское, служение же христианское есть и истинное и духовное, о чем и Господь говорит самарянке: **Истинные поклонники будут поклоняться в духе и истине** (Ин. 4, 23). Так как много есть родов служения Богу (ибо один служит и работает Богу тем, что благоустрояет только свои дела, другой тем, что заботится о странниках и снабжает вдовиц, как поступали сослужите ли Стефана, а иной тем, что проходит служение слова); то апостол говорит: **Которому служу в благовествовании Сына**. Выше он приписал благовестив Отцу; но это не странно: ибо Отцово принадлежит Сыну и Сыновнее Отцу. Говорит это, доказывая, что эти заботы необходимы для него; потому что кому поручено служение благовествования, тому необходимо заботиться обо всех, принявших слово.

10. Всегда прося в молитвах моих, чтобы воля Божия когда-нибудь благопоспешила мне прийти к вам.

Теперь прибавляет почему вспоминает о них. **Прийти**, говорит, **к вам**. Затем: как ни любил он их, как ни сильно желал видеть их, однако не хотел видаться с ними против воли Божией. Но мы или никого не любим, или если любим кого когда-нибудь, то делаем это против воли Божией. Что Павел непрестанно молился о том, чтобы видеть их, это происходило от сильной любви его к ним, а что он покорялся мановению Божию, это было знаком его великого благочестия. Не будем скорбеть и мы, если когда-либо не получим просимого в молитвах. Мы не лучше Павла, который трижды просил Господа о жале в плоти, и не получил желаемого (см. 2 Кор. 12, 7–9), ибо это было полезно для него.

11. Ибо я весьма желаю увидеть вас, чтобы преподать вам некое дарование духовное к утверждению вашему.

Другие, говорит, предпринимают дальние путешествия для иных целей, а «я» для того, чтобы преподать вам некое дарование. **Некое** говорит по скромности; ибо не сказал – «иду научить вас», но – **преподать** то, что я получил, и притом малое и соразмерное с моими силами. **Дарование**, то есть все, что возвещают учителя на пользу слушающим; ибо хотя учительство и доброе дело, однако и добрые дела наши суть дарования, потому что и для них нужна помощь свыше.

12. То есть утешиться с вами верою общюю, вашею и моею.

Скрытым образом дал разуметь, что римлян надлежит во многом исправить. Поскольку же и это сказано очень сильно (ибо римляне могли сказать: что ты говоришь? разве мы колеблемся, кружимся и имеем нужду в тебе, чтобы стать твердо?), то присовокупляет: **то есть утешиться**. Смысл такой: вы терпите много притеснений; почему мне желательно стало видаться с вами, чтобы сколько-нибудь утешить вас или, лучше сказать, чтобы и самому принять утешение. Этого требует общая польза. Ибо тогдашние верующие, проводившие жизнь как бы в плену, имели нужду в прибытии друг к другу и тем весьма утешали друг друга. Значит, и Павел нуждался в их содействии? Нимало, ибо он – столп Церкви. Напротив, чтобы не выразиться резко и, как сказали мы, не огорчить их, выразился он, что сам имеет нужду в утешении их. Если же кто скажет, что в этом случае утешало и веселило апостола приращение веры в римлянах, то и такая речь будет хороша: она видна и из слов апостола: **верою общюю, вашею же и моею**. В таком случае мысль будет следующая: и я, видя веру вашу, утешусь и возрадуюсь, и вы получите твердость от моей веры, получив утешение относительно того, в чем, может быть, колеблетесь, по малодушию. Но этого он не говорит явно, а, как сказано, искусно подразумевает это.

13. Не хочу, братия, оставить вас в неведении, что я многократно намеревался прийти к вам (но встречал препятствия даже доныне), чтобы иметь некий плод и у вас, как и у прочих народов.

Выше сказал, что молился, чтобы прийти к ним, а некоторые, вероятно, думали: если ты молишься и желаешь подать утешение и получить оное; то что препятствует тебе прийти? Поэтому присовокупил: **встречал препятствия** прийти от Бога. Затем, что апостол не любопытствует, почему он **встречал препятствия**, но повинуетя повелениям Владыки, научая и нас не любопытствовать о делах Божиих. Итак, он доказывает, что не пришел к ним не по нерадению или презрению. Я, говорит, так сильно люблю вас, что хотя встречал препятствия, однако никак не оставил своего намерения, напротив постоянно домогался прийти к вам, потому что весьма люблю вас.

Чтобы иметь некий плод и у вас, как и у прочих народов. Так как Рим был славный город, в который стеклись все как в город, богатый диковинами и великолепный; то, чтобы не подумал кто, что Павел весьма желал видеть римлян по этой же причине, говорит: я для того весьма желал прийти, чтобы иметь **некий плод**. Вместе с этим уничтожает и другое подозрение, ибо иной мог бы сказать: ты потому встречал препятствия, что хотел прийти вопреки воле Божией. Не сказал – «наставить в вере, научить», но выражается скромно – **чтобы иметь некий плод**, как и выше: **преподать некое дарование**. В то же время ограничивает и их, говоря: **как и прочих народов**. Не подумайте, говорит, что вы лучше прочих народов, потому что владычествуете: все вы стоите в одном строе.

14–15. Я должен и Еллинам и варварам, мудрецам и невеждам. Итак, что до меня, я готов благовествовать и вам, находящимся в Риме.

И это есть дело скромности. Я, говорит, не милость какую оказываю, но исполняю повеление Владыки, и вы должны благодарить Бога, ибо Он благодетельствует, а я **должен**. То же самое сказал и коринфянам: **Горе мне, если не благовествую!** (1 Кор. 9, 16). Поэтому я готов и вам проповедовать, хотя бы перед глазами были опасности. Такова была ревность его о Христе!

16. Ибо я не стыжусь благовествования Христова, потому что оно есть сила Божия ко спасению всякому верующему, во-первых, Иудею, потом и Еллину.

Римляне слишком привержены были к мирской славе, а Павел должен был проповедовать Иисуса, претерпевшего всякое бесславие, и римлянам естественно можно было стыдиться, что таков Спаситель. Поэтому говорит: **не стыжусь**, научая между прочим и их не стыдиться, потому что и он не только не стыдился Распятого, но и хвалился и величался Им. Кроме того, поскольку они надмевались мудростью, то я, говорит, иду проповедовать Крест, и не стыжусь того, ибо он **есть сила Божия ко спасению**. Есть сила Божия и в наказание; так Бог доказал силу Свою египтянам, наказав их. Есть также сила в погибель, как сказано: **Бойтесь Того, Кто может погубить в геенне** (Мф. 10, 28). Итак, что я, Павел, проповедую, то содержит не наказание, не погибель, но спасение. Кому? **Всяком у верующему**. Ибо благовестив служит во спасение не просто всем, но приемлющим его.

Во-первых, Иудею, потом и Еллину. Здесь слово **во-первых** означает первенство в порядке, а не преимущество в благодати. Ибо иудея не должно предпочитать потому, будто он больше получает оправдания: он только удостоился получить его прежде; почему словом **во-первых** выражается только первенство в порядке речи.

17. В нем открывается правда Божия от веры в веру, как написано: праведный верою жив будет.

Сказав, что благовестив есть во спасение, объясняет, как оно есть во спасение. Нас, говорит, спасает правда Божия, а не наша. Ибо какую можем иметь правду мы, проклятые в делах и растленные? Но Бог оправдал нас, не от дел, но от веры, которая должна возрастать в большую и большую веру; ибо недостаточно того, чтобы сначала уверовать, но мы должны восходить от первоначальной веры в веру совершеннейшую, то есть в состояние непоколебимое и твердое, как и апостолы сказали Господу: *Умножь в нас веру* (Лк. 17, 5). А сказанное, то есть что мы оправданы правдою Божиею, подтверждает словами из пророчества Аввакума (Авв. 2, 4). *Праведный же, говорит, от веры жив будет.* Так как дарованное нам Богом превосходит все мысли человеческие, то по справедливости нужна для нас вера: ибо если бы мы начали выведывать дела Божий, то потеряли бы все.

18. Ибо открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдою.

Начав с того, что доставляет большие блага, и сказав, что правда Божия открывается через благовестив, употребляет теперь выражения, которые могут утешить, ибо знал, что большая часть людей привлекается к добродетели страхом. Так и Бог, говоря о Царстве, говорит вместе и о геенне. И пророки сначала предлагают обетования, а потом угрозы. Ибо первое есть дело предварающей воли Божией, а последнее – следствие нашего нерадения. Затем здесь порядок речи: пришел, говорит Христос, и принес тебе оправдание и прощение; если не примешь их, то открывается гнев Божий с неба, очевидно, во время второго пришествия.

И теперь мы испытываем гнев Божий, но к исправлению, а тогда только к наказанию. И теперь мы во многом думаем видеть обиду от людей, а тогда явно будет, что наказание от Бога на всякое нечестие. Истинное служение и благочестие одно, а нечестие многообразно; поэтому и сказал: *всякое нечестие*, так как оно имеет много путей, *и неправду человеков*. Нечестие и неправда не одно и то же. То бывает против Бога, а эта против людей, и притом первое есть грех созерцательный, а последняя деятельный. И неправда имеет много путей, ибо ближнего обижает кто-нибудь или в имении, или в жене, или в чести. Впрочем, некоторые утверждают, что Павел и под неправдою разумеет учение. А что значит *подавляющих истину неправдою*, выслушай. Истина, или ведение о Боге, вложена в людей при самом рождении их, но эту истину и ведение язычники содержали в неправде, то есть оскорбили, поступая против сообщенного им, приписав славу Божию идолам. Представь человека, получившего деньги для издержек на славу царя. Если бы он издержал их на воров и блудниц, то по справедливости был бы назван оскорбителем славы царя. Так и язычники содержали в неправде, то есть скрыли и несправедливо затмили славу Бога и ведение о Нем, употребив их не так, как следовало употребить.

19–20. Ибо, что можно знать о Боге, явно для них, потому что Бог явил им. Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество от создания мира через рассматривание творений видимы, так что они безответны.

Выше сказал, что язычники оскорбили ведение о Боге, употребив его не так, как следовало. Из чего же видно, что они имели это ведение, об этом говорит теперь: *что можно знать о Боге, явно явил им.* Затем и это доказывает, говоря, что о Создателе возвещает благоустройство творений, как и Давид говорит: *Небеса проповедуют славу Божию* (Пс. 18, 2). А что именно можно знать о Боге, познай из следующего. О Боге иного нельзя знать, именно сущности Его, а иное можно знать, это – все, относящееся к сущности, то есть благодать, мудрость, сила, Божество или величество, что и называет Павел невидимым Его, но через рассматривание тварей видимых. Таким образом, апостол показал язычникам, что можно знать о Боге, то есть все, касающееся Его сущности, что для чувственных очей невидимо, но умом может быть познано из благоустройства творений. Некоторые под *невидимым* разу-

меют здесь ангелов; но такое разумение, по моему мнению, некстати. Один же из отцов высказал, что *вечная сила* есть Сын, а *Божество* Дух Святой.

Так что они безответны. Так оказалось на деле. Бог сотворил мир не для того, чтобы они были безответны; но так случилось на деле. Заметь эту особенность Писания и не порицай ее. В нем во многих местах встречаются такие выражения, для объяснения которых надобно отыскивать причину упоминаемого в нем в опыте. Так Давид говорит: *и лукавое пред очами Твоими сделал, так что Ты праведен в приговоре Твоем* (Пс. 50, 6). Выражение это кажется странным; но оно не таково. В нем высказывается следующее: облагодетельствованный Тобою, Господи, паче всякого чаяния, я согрешил пред Тобою; от этого и произошло, что если Ты предъявишь Свои права против меня на суде, то победишь. Значит, Бог оправдывается из действий наших, когда мы оказываемся неблагодарными к Нему за полученные от Него благодетельства и не имеем ничего в извинение себя. Не имеют, значит, никакого извинения и язычники; ибо они, познав Бога из творения, не прославили Его, как должно, но подобающее Ему почитание воздали идолам.

21–22. Но как они, познав Бога, не прославили Его, как Бога, и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось неосмысленное их сердце; называя себя мудрыми, обезумели.

Представляет причину, по которой они впали в такое безумие. Во всем, говорит, положились на свои умствования, и, желая найти не отображаемого в образах и бестелесного в телах, оказались безуспешными, не могущими достигнуть цели посредством умствований. Неразумным, *несмысленным*, называет сердце их потому, что они не хотели познавать все верою. Отчего же дошли они до такого заблуждения, что во всем положились на свои умствования? Оттого, что воображали себя мудрыми, почему и обезумели. Ибо есть ли что безумнее поклонения камням и деревьям?

23. И славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим и пресмыкающимся.

Изменяющий, прежде нежели изменить, имеет у себя нечто другое. Имели, значит, и они ведение, но погубили его, и, пожелав иметь нечто другое вместо того, что имели, потеряли и то, что имели. Воздали же славу нетленного Бога не человеку, но образу тленного человека, и, что хуже этого, низошли до пресмыкающихся, даже до их образов. До такой степени обезумели они! Познание, какое надлежало иметь о Существо, без сравнения превосходящем все, они приложили к предмету, без сравнения презреннейшему всего. А *славу* Божью составляет то, чтобы познавать, что Бог все сотворил, обо всем промышляет, и прочее, приличное Ему. Кто же именно погрешил в сказанном? Мудрейшие, египтяне; ибо они почитали даже изображения пресмыкающихся.

24–25. То и предал их Бог в похотях сердец их нечистоте, так что они сквернили сами свои тела. Они заменили истину Божию ложью, и поклонялись, и служили твари вместо Творца, Который благословен во веки, аминь.

Слово *предал* употреблено вместо «попустил», подобно тому, как врач, пользующийся больным, видя, что он небрежет о диете и не слушается его, предаст его в большую болезнь, то есть оставляет его и попускает ему следовать собственной воле и таким образом не освобождаться от болезни. Некоторые, впрочем, выражение *предал Бог* понимали так: предал их обиде и дерзости, причиненным ими Богу, подобно тому, как говорим: такого-то погубили деньги, тогда как деньги не губят но злоупотребление ими, или Саула или Самуила развратило царство, то есть злоупотребление царством. Итак, язычники преданы нечистоте собственным непотребством, так что не было надобности в других, которые бы оскорбляли их, но они сами причинили себе оскорбление, ибо таковы нечистые страсти те. За что же

преданы они нечистоте? За то, что оскорбили Бога; ибо кто не хочет знать Бога, тот тотчас развращается и в нравственности, как и Давид говорит: **Сказал безумец «нет Бога»**, потом: **развратились, совершили гнусные дела** (Пс. 13, 1). Они изменили то, что поистине принадлежало Богу, и приложили это к ложным богам. **Поклонялись** поставлено вместо «воздали честь». **И служили** – вместо – «оказали служение делами». Не просто сказал: **поклонялись и служили твари, но вместо Творца**, увеличивая вину сравнением. Несмотря на то, говорит, **Бог благословен во веки**, то есть нимало не потерпел вреда оттого, что они оскорбили Его, но есть благословен во веки, непоколебимо и несомненно; ибо это значит **аминь**.

26–27. Потому предал их Бог постыдным страстям: женщины их заменили естественное употребление противоестественным. Подобно и мужчины, оставив естественное употребление женского пола, разжигались похотью друг на друга, мужчины на мужчинах делая срам и получая в самих себе должное возмездие за свое заблуждение.

Опять называет преданием оставление Богом, происшедшее оттого, что они служили твари. Как в учении о Боге они развратились, оставив руководство творения, так и в жизни сделались гнусны, оставив удовольствие естественное (которое всего удобнее и приятнее) и предавшись удовольствию противоестественному (которое всего затруднительнее и неприятнее). Это означает слово **заменяли**, которое показывает, что они оставили то, что имели, и избрали иное. Итак, великим обвинителем того и другого пола представляет природу, которую они преступили. Высказав сокровенно о женщинах нечто постыдное и такое, что непристойно высказать ясно, говорит и о мужчинах, что они **разжигались похотью друг на друга**, показывая, что они предались сладострастию и неистовой любви. Не сказал же – «вожделение» **делая**, но – **срам**, показывая, что они поругали природу, **а разжигались похотью** сказал с той целью, чтобы кто не подумал, будто болезнию их было одно вожделение. **Делая срам** – то есть с ревностью предавались нечистоте, совершая ее на самом деле, и получали возмездие за отступление от Бога и идолопоклонническое заблуждение в этом самом сраме и в этом самом удовольствии, имея в нем, как противоестественном и полном нечистоты, наказание для себя. А говорит это Павел потому, что нельзя еще было убедить их в существовании геенны. Если, говорит, не веришь учению о геенне, то верь тому, что наказание для них заключается в самой нечистой деятельности.

28. И как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму – делать непотребства.

Вот в третий раз повторяет ту же мысль и употребляет то же слово, говоря: **предал**, а причиною того, что они оставлены Богом, везде представляет нечестие людей, как и теперь поступает. **И как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их** страсти. Оскорбление, говорит, причиненное ими Богу, было не грехом неведения, но намеренным. Ибо не сказал «поскольку» не познали, но говорит: **и как они не заботились**, то есть решили не иметь Бога в разуме и добровольно избрали нечестие. Значит, грехи их суть грехи не плоти, как утверждают некоторые еретики, но неправильных суждений. Сначала они отвергли познание Бога, а потом уже Бог попустил им вдаться в превратный ум; ибо отвращение Бога и оставление Им называется в Писании преданием. Чтобы лучше истолковать выражение: **предал их Бог**, некоторые из отцов воспользовались прекрасным примером. Они рассуждают: когда кто-нибудь, не желая видеть солнце, закрывает глаза и потом падает в яму, мы говорим, что не солнце, которого он не видит, ввергло его в яму, что человек упал в яму не оттого, будто солнце ввергло его туда в сердцах, но оттого, что оно не осветило его глаз. А почему оно не осветило его глаз? Потому что он закрыл глаза. Так и Бог предал их постыдным страстям. Почему? Потому что люди не познали Его. А они почему не познали Его? Потому что не рассудили и не решили познать Его.

29. Так что они исполнены всякой неправды всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства, распрей, обмана, злонравия.

Заметь, как усиливает речь; называет их исполненными и притом *всякой* неправды, то есть достигшими крайней степени всякого порока. Потом исчисляет и виды порока.

Блуда. Именем блужения обозначает всякую вообще нечистоту.

Лукавства. Это коварство против ближнего.

Корыстолюбия. Это – вожделение имений.

Злобы. Это – злопамятство.

Исполнены зависти, убийства. Убийство всегда происходит от зависти. Так Авель убит по зависти. И Иосифа хотели убить по зависти же.

Распрей, обмана. От зависти происходят и распри и обман на погибель тому, кому завидуют.

Злонравия. Глубоко скрытая злоба, забытая по какой-то доброте.

30. Злоречивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобретательны на зло, непослушны родителям.

Злоречивы. Тайные наушники.

Клеветники. Явные поносители.

Богоненавистники. Ненавидящие Бога, или ненавидимые Богом.

Обидчики, самохвалы, горды. Восходит к твердыне зол. Ибо если гордящийся добрым делом губит его гордостью, то во сколько более губит он его, когда делает зло? Такой человек не способен раскаяться. Знай же, что величавость есть презрение Бога, а гордость – презрение людей, от которого рождается оскорбление; ибо презирающий людей оскорбляет и попирает всех. Гордость по природе предшествует оскорблению; но нам сначала становится явным оскорбление, а потом уже делается известною мать его – гордость.

Изобретательны на зло. Ибо не довольствовались сделанным прежде злом, откуда опять видно, что грешили не по увлечению, но намеренно и по собственному расположению.

Непослушны родителям. И против самой природы, говорит, восстали.

31. Безрассудны, вероломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы.

Безрассудны. И справедливо. Ибо могли ли понять что-нибудь те, которые не слушались родителей?

Вероломны. То есть не устойчивы в договорах, то есть вероломны.

Нелюбовны, непримиримы, немилостивы. Корень всех зол есть самое охлаждение любви: ибо отсюда происходит, что один с другим не мирится, один другого не любит, один другого не милует. Об этом и Христос сказал: *По причине умножения беззакония охладееет любовь* (Мф. 24, 12). Сама природа соединяет нас друг с другом, как и прочих животных; но люди не поняли этого.

32. Они знают праведный суд Божий, что делающие такие дела достойны смерти; однако не только их делают, но и делающих одобряют.

Доказав, что язычники исполнились всякого порока оттого, что не захотели познать Бога, теперь доказывает, что они не заслуживают извинения. Они не могут сказать: мы не знали добра, ибо знали, что Бог правосуден. Значит, они делают зло добровольно и, что еще хуже, одобряют делающих его, то есть покровительствуют злу, каковая болезнь неисцелима.

Глава вторая

1. Итак, неизвинителен ты, всякий человек, судящий другого, ибо тем же судом, каким судишь другого, осуждаешь себя, потому что судя другого, делаешь то же.

Все мы люди не одинакового настроения: иногда покровительствуем злу, иногда бываем судьями чужих зол, осуждаем подобных себе. Итак, сказав прежде о тех, которые одобряли злых, теперь ведет речь об осуждении и говорит: **Итак, неизвинителен ты.** То есть ты знал, что правосудие Божие состоит в том, чтобы достойно наказывать злых; поэтому и не имеешь извинения ты, осуждающий, делающих то же, что и ты делаешь. Кажется, что слова эти относятся к народным правителям, особенно же к римлянам, как тогдашним властителям вселенной; ибо судить есть дело народных правителей. Впрочем, это приличествует и всякому человеку, ибо всякий человек может судить, хотя бы и не было у него судейского стула. Итак, когда осуждаешь, говорит, прелюбодея, а сам прелюбодействуешь, то осуждаешь самого себя.

2. А мы знаем, что поистине есть суд Божий на делающих такие дела.

Чтобы кто не сказал о себе: «Я доселе прелюбодействовал и избежал суда», апостол, устрашая его, говорит, что у Бога не так: у нас одного наказывают, а другой, хотя то же делает, избегает наказания; но у Бога не так: ибо суд Божий на дурных людей есть поистине.

3–6. Неужели думаешь ты, человек, что избежишь суда Божия, осуждая делающих такие дела и (сам) делая то же? Или пренебрегаешь богатство благодати, кротости и долготерпения Божия, не разумея, что благодать Божия ведет тебя к покаянию? Но, по упорству твоему и нераскаянному сердцу, ты сам себе собираешь гнев на день гнева и откровения праведного суда от Бога. Который воздаст каждому по делам его.

Выше сказал, что воздаяние дурным людям за заблуждение и почитание тварей заключается в тех самых несчастьях, которым они предавались, потому что самая нечистота была достаточным наказанием для них. Теперь открывает уже для них и наказание. Для тебя, говорит, человек, есть и другое наказание: ты не избежишь суда Божия. Как избежишь ты суда Божия, когда не избежал своего суда? Ибо в чем осудил ты другого, в том произнес приговор на самого себя. Если же ты полагаешься на долготерпение Божие потому, что еще не наказан, то эта ненаказанность служит к большему наказанию для тебя. Ибо долготерпение Божие спасительно для тех, кто пользуется им к исправлению себя, а для тех, кто употребляет его к умножению греха, оно служит большим поводом к наказанию, не по природе своей, но по жестокосердию таковых. **Собираешь**, говорит, **себе гнев**, – не Бог собирает тебе, но ты сам собираешь себе. Как это? Своим непреклонным и жестким к добру сердцем. Ибо что может быть жестче тебя, когда ты ни благодатию не смягчаешься, ни страхом не преклоняешься? Далее, сказав о дне, присовокупляет: **и откровения праведного суда от Бога.** И справедливо, чтобы кто не почел суда действием гнева. Откровение, говорит, всего. Поэтому воздаяние сообразно тому, что открывается, а вследствие этого и суд праведный. Здесь правда не всегда одерживает верх, потому что дела скрываются, а там за откровением следует суд праведный. Заметь это место, сравнив его со следующим: **ожесточу сердце Фараона** (Исх. 4, 21), ибо Павел изъясняется почти одними и теми же словами.

7. Тем, которые постоянством в добром деле ищут славы, чести и бессмертия, – жизнь вечную.

Сказав, что Господь воздаст каждому, начал с награды добрых, делая таким образом речь свою приятно. В словах **постоянством в добром деле** высказывает, во-первых, то,

что от добра не должны отступать, ни совершать его нерадиво, но пребывать в нем до конца, а во-вторых – то, что не должно полагаться на одну веру, потому что нужно и доброе дело. Словом **бессмертия** отверзает двери воскресения. Потом, так как все восстанем, но не все для одного и того же, но одни для славы а другие для наказания, то упомянул о славе и чести. Итак, вся речь имеет такой смысл. Тем, говорит, которые ищут будущей славы, чести и нетления и никогда не выпускают их из мыслей своих, Бог воздаст, то есть в воскресение, жизнь вечную. Каким же образом снискиваются будущая слава, честь и нетление? Постоянством в добром деле. Ибо постоянный в добром деле и твердо стоящий против всякого искушения действительно снискивает и славу и честь и бессмертие или наслаждение нетленными благами в нетленном теле.

8–9. А тем, которые упорствуют и не покоряются истине, но предаются неправде, – ярость и гнев. Скорбь и теснота всякой душе человека, делающего злое, во-первых, Иудея, потом и Еллина!

Здесь речь о неразумном упорстве. *А тем, которые упорствуют*, то есть с усилием. Здесь показывает, что они сделались злыми не по неведению, но по упорству, почему и недостойны помилования. И покорность неправде и непокорность правде также есть грех произвола; ибо не сказал: которые принуждены и терпят насилие, но которые **предаются**. Затем же, что о воздаянии жизни вечной Богом выразился иначе о прискорбном. **Ярость**, говорит, **и гнев и скорбь**. Не сказал: воздадутся Богом, но оставил речь не конченною, чтобы подразумевали: будет. Ибо Богу свойственно животворить, а наказание есть следствие нашей беспечности. Словами **всякой душе человека** обуздывает гордость римлян. Хотя бы кто, говорит, был царем, не избежит наказания, если творит злое, то есть остается в зле и не раскаивается: ибо не сказал – «делающий», но – «делающий зло со тщеславием». А как иудей большее получил наставление, то он достоин большей казни, ибо **сильные сильно будут истязаны** (Прем. 6, 6) и более сведущие тяжелее будут наказаны.

10–11. Напротив, слава же и честь и мир всякому, делающему доброе, во-первых, Иудею, потом и Еллина! Ибо нет лицемерия у Бога.

В следующем далее апостол намерен доказать, что ни обрезание не приносит пользы, ни необрезание не причинит вреда, и затем показать необходимость веры, оправдывающей человека. В этих видах он сначала ниспровергает иудейство. Заметь же мудрость. Говорит о бывшем до пришествия Христова, что мир был исполнен пороков и что все подлежали казни, во-первых, иудей, потом эллин. Признав же за несомненное, что язычник будет наказан за зло, из этого положения выводит заключение, что он будет и награжден за добро. Если же и награда и наказание суть последствия дел, то закон и обрезание уже излишни, и не только излишни, но и готовят иудею большее наказание; ибо если осуждается язычник потому, что не руководствовался природою, а потому и естественным законом, то гораздо более осуждается иудей, который при том же руководстве воспитан был еще в законе. К этому клонится речь апостола. Теперь узнай смысл слов. Под «эллинами» разумеет здесь не идолопоклонников, но людей богобоязненных и живших благочестиво, не имея закона, каковы: Мелхиседек, Иов, ниневитяне, наконец Корнилий. Равным образом и под «иудеями» разумеет иудеев, живших до пришествия Христова. Ибо, стараясь доказать, что обрезание не имеет никакой силы, обращает внимание на времена древние и показывает, что никакого не было различия между богобоязненным язычником и добродетельным иудеем. Если же иудей ничем не превосходит язычника до пришествия Христова, когда иудейство особенно было славно, то тем более не превосходит оно его теперь, когда закон отменен. Так говорит апостол, имея в виду сокрушить гордость иудеев, которые не принимали к себе происходивших от язычества. **Слава**, говорит, **и честь и мир**. Блага земные всегда имеют врагов, сопря-

жены с беспокойствами, подвержены зависти и козням, и хотя бы совне никто не угрожал им, сам обладающий ими всегда беспокоится в помыслах; а слава и честь у Бога наслаждаются миром и чужды беспокойства в помыслах, как не подлежащие козням. Поскольку же казалось невероятным, чтобы удостаивался чести язычник, не слышавший закона и пророков, то доказывает это тем, что Бог нелицеприятен. Бог, говорит, не принимает в уважение лица, но испытует дела. Если же по делам между иудеем и язычником нет никакого различия, то ничто не препятствует последнему удостоиться одинаковой чести с первым. Итак, когда отменен закон, не величайся, иудей, перед тем, который из язычников, делающий добро, равен был тебе даже в то время, когда иудейство твое было в славе.

12–13. *Те, которые, не имея закона, согрешили, вне закона и погибнут, а те, которые под законом согрешили, по закону осудятся, потому что не слушатели закона праведны пред Богом, но исполнители закона оправданы будут.*

Выше доказал, что язычник удостаивается такой же чести, какой и иудей. Теперь доказывает, что во время наказания постигнет иудея осуждение. Язычники, говорит, **не имея закона, согрешили**, то есть не быв научаемы законом, поэтому **вне закона и погибнут**, то есть легче будут наказаны, как не имеющие обличителем закона; ибо **вне закона** значит: не подлежа осуждению по закону. Напротив, иудей согрешил **под законом**, то есть быв изучаем и от закона поэтому и суд примет, то есть осужден будет, **по закону**, как подлежащий закону, который обличает его и подвергает большему осуждению. Как же ты, иудей, говоришь, что не имеешь нужды в благодати, потому что оправдывается законом? Вот доказано, что тебе нет никакой пользы от закона, так что имеешь большую, нежели язычник, нужду в благодати, как не оправдываемый пред Богом одним слушанием закона. Перед людьми слушатели закона могут казаться честными; но пред Богом не так: пред Ним оправдываются исполнители закона.

14–15. *Ибо, когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую.*

Доказывает то, что говорит против иудеев, и ведет речь с мудрым искусством, чтобы не показаться, будто говорит что-нибудь против закона. Как бы хваля и возвышая закон говорит, что заслуживают удивления те, которые не имеют закона **по природе**, то есть имея убеждение в мыслях; ибо они не имели нужды в законе, а между тем выполнили закон, запечатлев в сердцах своих не письменна, но дела, и вместо закона пользуясь, во свидетельство о добром, совестию и природными мыслями. Говорит здесь о трех законах: о законе писанном, о законе естественном и о законе дел. **Язычники, не имеющие закона.** Какого? Писанного. **По природе законное делают.** По какому закону? По закону, обнаруживающемуся в делах. **Не имея закона.** Какого? Писанного. **Они сами себе закон.** Как это? Руководствуясь законом естественным. **Они показывают, что дело закона у них написано в сердцах.** Какого? Закона в делах. Затем мудрость: не поразил иудеев, как требовал этого ход речи. По ходу речи следовало сказать так: когда язычники, не имеющие закона, делают законное по природе, то они гораздо превосходнее наставленных в законе. Но апостол не сказал так, а выразился мягче, так – **они сами себе закон.** Этим он доказывает, что и в древнейшие времена, и прежде нежели дан закон, род человеческий находился под тем же Промыслом. Этим заграждает также уста тем, которые говорят: почему Христос не пришел научить деланию добра прежде, изначала? Познание добра и зла, говорит, Он вложил во всех изначала; когда же увидел, что оно не помогает, то пришел наконец Сам.

16. В день, когда, по благовествованию моему, Бог будет судить тайные дела человеков через Иисуса Христа.

С этих слов начинай новую речь; ибо теперь говорит апостол о том, каким образом судимы будут все вообще люди. В день суда предстанут собственные наши мысли, то осуждающие, то оправдывающие, и человеку не нужно будет на судилище том ни другого обвинителя, ни другого защитника. А чтобы увеличить страх, не сказал – «грехи», но – **тайные дела**. Люди могут судить одни явные дела, а Бог, говорит, будет судить тайные дела через Иисуса Христа, то есть Отец через Сына, потому что Отец не судит никого, но всякий суд отдал Сыну (см. Ин. 5, 22). Можешь и так разуместь слова **через Иисуса Христа**: по благовествованию моему, предоставленному мне Иисусом Христом. Здесь внушает, что благовествование не проповедует ничего противоестественного, но возвещает то же самое, что в начале внушено людям самою природою, то есть что и благовествование свидетельствует о суде и наказании.

17–18. Вот, ты называешься Иудеем, и успокаиваешь себя законом, и хвалишься Богом, и знаешь волю Его, и разумеешь лучшее, научаясь из закона.

Сказав, что для спасения язычника, исполняющего закон, ничего более не нужно, вычисляет, наконец, преимущества иудеев, полагаясь на которые они гордились перед язычниками. Прежде всего говорит об имени иудея, ибо оно составляло большое преимущество, как теперь имя христианина. Не сказал – «ты иудей», но – **называешься**, ибо истинный иудей тот, которого исповедуют иудеем, потому что Иуда значит исповедание. **И успокаиваешь себя законом** вместо не трудишься, не ходишь, не разумеешь, что должно делать, но имеешь закон, без труда наставляющий тебя на все. **И хвалишься Богом**, то есть что ты любим Богом и предпочтен прочим людям; обращать же любовь Божию в средство презирать существа однородные есть признак крайнего неразумия. **И знаешь волю Его**, то есть Божию. **И разумеешь лучшее**, то есть решает, что должно делать и чего не должно делать. Под **лучшее** надо разуместь приличное или полезное каждому.

19–20. И уверен в себе, что ты путеводитель слепых, свет для находящихся во тьме, наставник невежд, учитель младенцев, имеющий в законе образец ведения и истины.

Выше говорил, что слушание закона не приносит никакой пользы, если не будет присоединено исполнения; **потому что не слушатели закона**, говорит, **праведны пред Богом, но исполнители закона** (ст. 13). Теперь говорит нечто большее, именно: хотя бы ты был учитель, но если не исполняешь закона, то не только не получаешь себе никакой пользы, но и навлекаешь на себя большее наказание. И как иудеи весьма превозносились учительским достоинством своим, то из этого особенно доказывает, что они достойны осмеяния. Ибо когда говорит: **путеводитель слепых, учитель младенцев** и прочее, то изображает надменность иудеев, которые называли себя именно путеводителями, светом и наставниками, а обращенных из язычества именовали находящимися во тьме, младенцами и невеждами. Но ты имеешь образец ведения и истины не в делах и не в заслугах, но – **в законе**, полагаясь на него, как на изображение добродетели. Так иной, имея у себя царское изображение, сам ничего не списывает с него, но те, у которых нет его, и не видя его, верно подражают ему. Итак, всякий учитель пишет и изображает в душах учеников познание добра и потому самую истину. Если он осуществляет это и в деятельности, то будет совершен; в противном случае будет таким, каковы осуждаемые теперь апостолом. Некоторые под **образцом** разумели образец ведения не настоящий. Ты имеешь, говорит, познание и благочестие не истинное, но подделанное и прикрытое ложным видом.

21–24. Как же ты, уча другого, не учишь себя самого? Проповедуя не красть, крадешь? говоря: «не прелюбодействуй», прелюбодействуешь? гнушаясь идолов, святотатствуешь? Хвалишься законом, а преступлением закона бесчестишь Бога? Ибо ради вас, как написано, имя Божие хулится у язычников.

Излагает мысль свою в виде вопроса, пристыжая тех, которые хвалились, что они — учителя. Святотатством называет хищение посвященного идолам; ибо хотя они гнушались идолами, но, обладаемые сребролюбием, коснулись посвященного идолам, из постыдной корысти. После этого излагает самую тяжкую вину, говоря: **хвалишься законом**, как превознесенный честию от Бога через закон, **а преступлением закона бесчестишь Бога**. Здесь три вины. Первая: иудеи бесчестят; вторая: бесчестят Бога, превознесшего их честию; третья: бесчестят закон, нарушая его, тогда как он служил к их чести. Но чтобы не подумали, что обвиняет иудеев сам собою, привел в обвинителя их пророка Исая (см. Ис. 52, 5), выставив две вины их. Ибо они не только сами оскорбляют Бога, но и других приводят к тому, и не только не учат жить по закону, но и учат противному, учат, что противно закону, хулить Бога; ибо, видящие их развращение говорят: этих ли должен любить Бог? неужели Бог, любящий таковых, есть истинный Бог?

25. Обрезание полезно, если исполняешь закон; а если ты преступник закона, то обрезание твое стало необрезанием.

Так как обрезание было в большом уважении у иудеев, то не сказал о нем тотчас в начале, что обрезание излишне и бесполезно, но на словах допускает, а на деле отвергает его, и говорит: я согласен, что обрезание полезно, но тогда, когда исполняешь закон. Не сказал, что оно бесполезно, чтобы не подумали, что уничтожает обрезание; но доказывает, что иудей не имеет обрезания, говоря: **обрезание твое стало необрезанием**. Итак, доказывает, что иудей не обрезан по сердцу. Два разумеет обрезания и два необрезания: одно наружное, а другое внутреннее. Именно: обрезание наружное есть обрезание плотское, когда обрезывается кто по плоти, обрезание духовное состоит в отвержении плотских страстей. И необрезание плотское бывает тогда, когда кто остается не обрезанным по плоти, а необрезание духовное бывает тогда, когда кто, имея языческую душу, нисколько не отсекает страстей. Мысль Павла такая: если ты обрезан по плоти, но не выполняешь узаконенного, то ты еще необрезанный, необрезанный по духу; равным образом, кто необрезан по плоти, но выполняет узаконенное, тот обрезанный по духу, потому что у него отъяты плотские страсти. Это объясняет и далее. Послушай.

26. Итак, если необрезанный соблюдает постановления закона, то его необрезание не вменится ли ему в обрезание?

Не говорит, что необрезание превосходит обрезание, ибо это слишком больно, но говорит, что **ему в обрезание вменится**. Поэтому истинное обрезание есть добрая деятельность: равным образом необрезание есть худая деятельность. Заметь, не сказал: если необрезание сохранит закон; ибо, вероятно, предполагал такое возражение от кого-нибудь: возможно ли, чтобы сохранил закон человек необрезанный, когда самое бытие необрезанным составляет нарушение закона? Как же выразился? **Постановления**, то есть постановления, выполнением которых думают оправдаться. Ибо обрезание не было делом, но страданием, претерпеваемым тем, кого обрезывали, почему и не может называться оправданием закона. Оно дано как знак, чтобы не смешивали иудеев с язычниками.

27–29. И необрезанный по природе, исполняющий закон, не осудит ли тебя, преступника закона при Писании и обрезании? Ибо не тот Иудей, кто таков по наружности, и не то обрезание, которое наружно, на плоти; но тот Иудей, кто внутренно

таков, и то обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве: ему и похвала не от людей, но от Бога.

Здесь ясно показывает, что понимает два необрезания: одно естественное, а другое произвольное, бывающее, как сказано, тогда, когда кто нисколько не отсекает плотских страстей, и два обрезания: одно по плоти, а другое в духе обрезание сердца. ***Необрезанный***, говорит, ***по природе*** имеющий обрезание страстей через исполнение ***закона***, то есть, как выше сказано, оправданий закона, ***осудит***, то есть обвинит, не обрезание (ибо говорить так о нем было тяжело), но ***тебя***, по наружности действительно обрезанного по плоти, но необрезанного по сердцу, как преступника оправданий закона. Таким укоряет не обрезание (которое очень, казалось бы, уважает), но оскорбителя или преступника его. Потом, доказав это, ясно определяет и то, кто есть истинный иудей, и дает разуместь, что иудеи все делали из тщеславия. ***Ибо не тот Иудей***, говорит, ***кто таков по наружности, но кто внутренно таков***, который ничего не делает просто чувственно, но понимает духовно и субботы, и жертвы, и очищения. Когда говорит: ***обрезание, которое в сердце, по духу***, то пролагает путь к христианскому образу жизни и показывает необходимость веры, ибо верование сердцем и духом имеет похвалу от Бога, испытующего сердца и ни о чем не судящего по плоти. Из всего следует, что везде нужна жизнь. Под именем необрезанного или язычника разумеет, как и выше сказано, не идолопоклонника, но человека благочестивого и добродетельного, не соблюдающего, однако, иудейских обрядов.

Глава третья

1–3. Итак, какое преимущество быть Иудеем, или какая польза от обрезания? Великое преимущество во всех отношениях, а наипаче в том, что им вверено слово Божие. Ибо что же? если некоторые и неверны были, неверность их уничтожит ли верность Божию?

Отринув все постановления закона словами *какое преимущество быть Иудеем*, видит естественно рождающееся возражение и предотвращает его. Какое же это возражение? Следующее: если в постановлениях тех нет ни малой пользы, то для чего же, наконец, избран народ иудейский? Возражение это решает с свойственной ему мудростью. На словах соглашается и говорит, что великая польза иудею, а в доказательство этого приводит не заслуги иудеев, но дарования Божий. Не сказал, что иудеи весьма превосходят прочие народы, потому что хорошо выполнили то-то и то-то, но что *им вверено слово Божие*, а это есть благодеяние Божие, а не превосходство их. Что значит *вверено*?

Дано, поручено; Бог признал иудеев достойными и потому вверил им небесные откровения. Говоря так, казалось бы, защищает их; но при всем том выставляет на вид новое обвинение, доказывая, что они не уверовали словам Божиим, которые служили к их чести. Но это обвинение представляет не от своего лица. Как бы так говорит: какая польза иудеям от того, что они получили откровение Божие, когда они не уверовали ему? Кажется, и это возражение решает, оправдывая не иудеев, но Бога. Если не уверовали, то от Бога ли это? Разве неверность *их уничтожит верность Божию*, то есть поручение им откровения и благодеяние? Неверность иудеев не только не причиняет Богу никакого вреда, но, напротив, доказывает большое человеколюбие Его; потому что Он лишает благодеяния тех, которые впоследствии бесчестят Его. Видишь ли, как обвинил иудеев, тем самым, чем они хвалились, то есть тем, что получили закон.

4. Никак, Бог верен, а всякий человек лжив, как написано: «Ты праведен в словах Твоих и победишь в суде Твоем».

Выше сказал, что не уверовали некоторые. Между тем оказываются неверными не некоторые, но все. Поэтому, чтобы не огорчить иудеев, премудро ведет речь и оказавшееся на опыте излагает в виде предположения. Положим, говорит, что все были неверны. Что же из этого? И в этом случае Бог оправдывается. То есть: если рассудить и сравнить, что даровал Бог иудеям и как они вели себя пред Ним, то победа остается на стороне Бога, как и Давид говорит (Пс. 50, 6).

5–6. Если наша неправда открывает правду Божию, то что скажем? не будет ли Бог несправедлив, когда изъясляет гнев? (говорю по человеческому рассуждению). Никак. Ибо иначе как Богу судить мир?

Здесь представляет одно возражение. Иные могли сказать: если из того, что Бог благодетельствовал нас, а мы явились неблагодарными к Нему, Он оказывается еще более верным; то за что же наконец гневается Он, то есть наказывает нас, если мы стали причиной Его оправдания и победы? Таково возражение. Апостол решает его весьма мудро и в обличение иудеев. Из того, что Бог наказывает тебя, не следует, что ты виновник победы Божией; ибо несправедливо победителю наказывать виновника победы. Но Бог не несправедлив: иначе, как Богу судить мир, если Он несправедлив? Поэтому, когда Бог наказывает тебя, а Он не несправедлив, следует, что ты не стал для Него виновником победы тем, что грешил: ибо Бог и иначе мог победить, хотя бы не оказался злым. Слова *говорю по человеческому рассуждению* имеют такой смысл. Так, говорит, отвечаю в оправдание Бога по человеческому

разуму, то есть как только может отвечать человек здравомыслящий: ибо действия Божий имеют некоторые непостижимые для нас основания и превосходят человеческий разум и не нуждаются в защите нашей.

7–8. Ибо, если верность Божия возвышается моею неверностью к славе Божией, за что еще меня же судить, как грешника? И не делать ли нам зло, чтобы вышло добро, как некоторые злословят нас и говорят, будто мы так учим? Праведен суд на таковых.

Снова повторяет прежде сказанное, чтобы уяснить то. Если через преступление мое явился Бог праведным и верным, то за что же, наконец, осуждать меня, оказавшего пользу славе Божией? В таком случае я заслуживаю не осуждения, но награды. А если это справедливо, то справедливо будет и то, что говорят о нас язычники. Язычники, слыша слова Павла: **Когда умножился грех, стала преизобиловать благодать** (Рим. 5, 20), подвергали их осмеянию и утверждали, будто христиане говорят: будем делать зло, чтобы вышло добро, и: будем грешить больше, чтобы умножилась благодать. Эти слова язычников, говоренные ими в поругание и насмешку над нами, имеют место и в настоящем случае, если допустить, что Бог является благим от нашей порочности и неблагодарности. Но в самом деле не так. Речь язычников есть речь говорящих всегда ложь. **Праведен суд на таковых**, то есть они наказаны будут по справедливости. Итак, тем, что грешу, я не становлюсь виновником оправдания Божия, потому что осуждаюсь, как грешник; ибо если бы я грешил во славу Божию, то не осуждался бы.

9—18. Итак, что же? имеем ли мы преимущество? Нисколько. Ибо мы уже доказали, что как Иудеи, так и Еллины, все под грехом, как написано: «нет праведного ни одного. Нет разумевающего; никто не ищет Бога. Все совратились с пути, до одного негодны; нет делающего добро, нет ни одного».

«Гортань их – открытый гроб; языком своим обманывают; яд аспидов на губах их». «Уста их полны злословия и горечи». «Ноги их быстры на пролитие крови; разрушение и пагуба на путях их. Они не знают пути мира». «Нет страха Божия перед глазами их». Сказав выше, что иудеи имеют некоторое преимущество, потому что им вверен и вручен закон, теперь доказывает, что они не имеют никакого преимущества по делам своим. Ибо, как не сохранившие вверенного им, они подвергнутся большему осуждению. Поэтому, хотя и имели они некоторое преимущество, как избранные Богом, но как делами своими они обесчестили почтившего их честию и избравшего их Бога, то не только уже не имеют никакого преимущества, но и подвергнутся большему осуждению. Говорит как бы от лица иудеев: **итак, что же? имеем ли мы преимущество**, то есть имеем ли какое-либо преимущество, превосходим ли других, угоднее ли прочих Богу мы, иудеи, которые получили закон и обрезание? **Нисколько.** Ибо иудеи, чтобы не сказать больше, согрешили так же, как и язычники. А откуда это видно? Из пророков, именно Давида и Исаяи. Ибо речь, начинающаяся словами **нет праведного ни одного** и оканчивающаяся так: **полны злословия и горечи**, принадлежит Давиду (Пс. 13, 3, 5; 9, 28; 139, 4). А речь со слов **ноги их быстры** до слов **не знают пути мира** принадлежит Исаяи (Ис. 59, 7, 8); затем опять следуют слова Давида (Пс. 35, 2). Итак, представляет обвинителями иудеев знаменательнейших пророков, и показывает, что они говорят совершенно согласно. Почему после слов Исаяи опять приводит слова Давида. Ибо Исаяя ясно говорит об иудеях; о них же говорит и Давид. Далее, как скоро кто уклоняется от добра, тотчас делается бесполезным. Ибо порочность есть не иное что, как извращение естественных побуждений к добру: почему, возбуждая человека к противоестественному, делает его бесполезным. Ибо природа не используется уже им, подобно тому, как не используется она при отправлении дел своих больным. **Разрушение и пагуба** есть грех, ибо ничто так не разрушает душу, как грех, неправильным путем своим. Ибо доб-

родетель, как естественное добро наше, устрояет нам путь к шествию вперед ровный и гладкий, а порочность, как дело противоестественное, известное недостатками и излишками, заставляет нас иногда нестись вверх, и иногда вниз, и потому делает движение наше неровным и трудным; не говорю уже о том, что она готовит нам после этого наказание. **Они не знают пути мира**, то есть благочестивой жизни, ибо благочестивая жизнь есть путь спокойствия. **Возьмите**, – говорит Господь, – **иго мое, – и найдете покой** (Мф. 11, 29): вот путь к истинному миру Христову!

19–20. Но мы знаем, что закон, если что говорит, говорит к состоящим под законом, так что заграждаются всякие уста, и весь мир становится виновен пред Богом, потому что делами закона не оправдается пред Ним никакая плоть; ибо законом познается грех. Чтобы иудеи не могли возразить: это не к нам говорится, высказывает: **закон, если что говорит, говорит к состоящим под законом.**

Какая, говорит, надобность говорить другим, когда закон дан вам? Законом же называется весь Ветхий Завет, а не один Моисеев только закон, как и теперь наименовал законом пророчества Исайи и Давида. Словами **заграждаются всякие уста** изображает хвастовство иудеев и неостановимое стремление языка их. Ими пророк обуздан его, как стремительный поток. Апостол же понимает не то, будто для того грешили, чтобы заградились уста их, но для того были обличаемы пророками, чтобы не представляли грехов своими грехами неведения и не хвалились. И не одни иудеи, но и **весь мир становится виновен пред Богом**, то есть осужден, чужд дерзновения, не оправдываемым собственными делами, но имеющим нужду в посторонней помощи, то есть в благодати Христовой. Что же ты, иудей, хвалишься законом, когда ты наравне с остальным миром повинен, как не оправдываемый делами закона?

21. Но ныне, независимо от закона, явилась правда Божия, о которой свидетельствуют закон и пророки.

Если ты, иудей, хвалишься законом, то знай, что он служит для тебя виною большего наказания. Ибо через него ты узнал грех, а кто грешит с сознанием, тому грозит большое наказание. Но это случалось по твоему нерадению, ибо ты не бежал греха, сделавшегося тебе известным, и потому навлек на себя большее наказание. Как же освободишься ты от этого наказания? Если примешь правду Божию, не зависимую от закона. Ибо нас оправдает Бог, хотя бы мы и не имели дел, потому что Бог всемогущ. Прекрасно выразился: **явилась** чтобы показать, что правда Божия существовала прежде, но была сокрыта. И словами **о которой свидетельствуют закон и пророки** также показывает, что она не есть что-либо новое, но что о ней говорили и закон Моисея и пророки, почему и достойна приятия; ибо хотя она независима от закона, однако совершенно согласно с законом имеет целью оправдать нас.

22–24. Правда Божия через веру в Иисуса Христа во всех и на всех верующих, ибо нет различия; потому что все согрешили и лишены славы Божией, получая оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе.

Эта правда, говорит, то есть оправдание, которым оправдал нас Бог, нисходит на всех через веру. Когда мы приносим веру, то оправдываемся все, иудеи и язычники. **Ибо нет различия.** Иудей не предпочитается язычнику потому, что получил закон. Ибо и он согрешил, так как из закона научился только, как узнавать грех, а не как избегать его. Если он и не так согрешил, как язычник, но славы лишен одинаково, потому что оскорбил Бога, а оскорбитель пожинает плод не славы, но бесславия. Но ты не отчаивайся. Все оправдываются даром по благодати Божией, а благодать эта бывает через искупление, то есть через совершенное освобождение, соделанное Христом, ибо Он оправдал нас, давши Самого Себя в выкуп за нас.

25–26. Которого Бог предложил в жертву умилостивления в Крови Его через веру, для показания правды Его в прощении грехов, соделанных прежде, во время долготерпения Божия, к показанию правды Его в настоящее время, да явится Он праведным и оправдывающим верующего в Иисуса.

Упомянул об очищении (жертвой умилостивления) и крови, чтобы убедить иудея, что прощение и оправдание совершается через Христа. Если, рассуждает, ты верил, что грехи разрешались кровию овец, то тем паче разрешаются они Кровию Христа, и если очищение законное, будучи образом Христа, имело такую силу, то гораздо большую силу имеет самая истина. «Очищением» (очистилицем) назывался покров ковчега, украшенный поставленными на обеих сторонах его херувимами. Оно указывало на естество человеческое, которое было покровом Божества, закрывавшим Его, но прославлялось ангельскими силами, служащими ему по причине соединения его с Богом Словом. Сказал **предложил**, чтобы показать, что избавление Кровию Христовою предопределено издревле для уврачевания расслабления, то есть омертвения от грехов, соделанных прежде, во время долготерпения Божия. Ибо хотя мы пользовались многою благодатию, однако сделались подобны расслабленным и омертвевшим. А случилось это **для показания правды** Божией, чтобы не только Сам Бог явился праведным, но и других, омертвевших во грехе, мог воскресить и оправдать, подобно как и явление богатства состоит в том, чтобы кому-нибудь не только самому быть богатым, но и быть в состоянии сделать богатыми других. Итак, не стыдись, оправдываемый таким образом. Если Бог Себе присвоит дело это, то есть превозносится и хвалится им, как оправдывающий наев **настоящее время**, то есть когда грех достиг крайнего предела и когда мы признаны как бы расслабленными и мертвыми, то чего тебе, иудей, стыдиться таковой славы Божией?

27. Где же то, чем бы хвалиться? уничтожено. Каким законом? законом дел? Нет, но законом веры.

Апостол доказал, что мы оправдаемся через веру; почему справедливо спрашивает иудея: где же то, чем бы хвалиться тебе и гордиться? Не говорит: где добродетель? ибо иудеи не имели добродетели, но только похвальбу. И продолжает: **уничтожено**, что значит: хвалиться уже не время. До Христа благовременно было хвалиться законом, а теперь уже не благовременно, ибо стало видно, что похваление им бесполезно. Ибо если бы мог оправдать нас закон, то не было бы для нас нужды во Христе. Каким же, спрашивает, законом уничтожено? Законом ли дел, то есть тем, который говорит, что исполняющий их человек жив будет (см. Лев. 18, 5)? (Ибо это сказал закон Моисеев.) Нет, отвечает, но законом веры, который оправдывает благодатию, а не делами. Вот и веру называет законом, потому что имя **закон** было в чести у иудеев. Итак, хвались, иудей, верою, которая может оправдать тебя.

28–30. Ибо мы признаем, что человек оправдывается верою, независимо от дел закона. Неужели Бог есть Бог Иудеев только, а не и язычников? Конечно, и язычников потому что один Бог, Который оправдает обрезанных по вере и необрезанных через веру.

Доказав, что оправдание в Крови Христовой, а не в делах закона, заканчивает речь и говорит: из всего сказанного заключаем, что всякий человек оправдывается верою. Не смущайся этим, иудей, будто нелепостью какою. Бог есть не частный Бог, чтобы спасти только себя, а не всякого человека. Здесь же пристыжает иудеев и весьма устрашает их, как боготорцев, если не допустят, что язычники спасаются через веру; ибо они не верят, что Он есть Бог всех и равно промышляет обо всех. Один, говорит, есть Бог, то есть Бог иудеев и язычников, Который и обрезанного оправдывает, не законом, но верою, и необрезанного принимает при посредстве веры. Упомянув же об обрезании и необрезании, припоминает и сказанное

выше, где доказал, что ни обрезание не приносит пользы, когда нет дел, ни необрезание не вредит само по себе. Итак, при том и другом нужна вера.

31. *Итак мы уничтожаем закон верою? Никак; но закон утверждаем.*

Сказанное, что закон ниспровергается верою, привело иудеев в смущение. Поэтому врачует их своею великою мудростию, говоря, что вера утверждает закон. Ибо чего желал и закон, то есть оправдать человека, но не мог сделать, то совершает вера. Кто только уверовал, тот уже оправдался. Итак, вера не уничтожила, но утвердила закон. Выражением ***утверждаем*** внушает, что закон лежал, а лежащего надобно поднять и поставить.

Глава четвертая

1–3. Что же, скажем, Авраам отец наш приобрел по плоти? Если Авраам оправдался делами, он имеет похвалу, но не пред Богом. Ибо что говорит Писание? «Поверил же Авраам Богу, и это вменилось ему в праведность».

Достаточно доказав, что для всех нужна вера, подтверждает это еще примером Авраама (Быт. 15, 6), пользовавшегося у иудеев большим уважением, и говорит, что и он, совершивший много великого, оправдался не делами, но верою. Называет его отцом **по плоти**, чтобы показать, что иудеи не имеют духовного родства с ним, или, лучше, чтобы обязать их этим во всем подражать ему. Если он оправдался делами, то **имеет похвалу, но не пред Богом**, то есть может хвалиться тем, что хорошо сделал нечто собственными трудами, но это не значит хвалиться пред Богом, и не направляется к Богу. Напротив, кто оправдывается верою, тот имеет похвалу пред Богом, может хвалиться о Боге, как спасенный Его благодатью и возлюбленный Им. Может хвалиться верующий и иначе, именно как прославивший Бога тем, что поверил, что Он может сделать то, что кажется нам невозможным. Итак, он имеет похвалу и дерзновение пред Богом, как имеющий истинное понятие о Нем, и верующий Ему как всемогущему.

4–8. Воздаяние делающему вменяется не по милости, но по долгу. А не делающему, но верующему в Того, Кто оправдывает нечестивого, вера его вменяется в праведность. Так и Давид называет блаженным человека, которому Бог вменяет праведность независимо от дел: «Блаженны, чьи беззакония прощены и чьи грехи покрыты. Блажен человек, которому Господь не вменит греха».

Делающий, говорит, получает мзду, как даваемую ему за труд по долгу, верующий, хотя не делает, однако представляет со своей стороны веру, – вещь весьма значительную; потому что убедиться в том, что Бог и жившего в нечестии может не только освободить от наказания, но и сделать праведным, есть дело высокой цены. По этой причине **верующему... вера его вменяется в праведность**, то есть его веру приемлет Бог, не для того, чтобы дать ему мзду, но для того, чтобы оправдать его. Поэтому кто верует, тот приносит нечто и со своей стороны, именно веру. Доказав примером Авраама, что правда или оправдание от веры, представляет и Давида, который называет блаженным того человека, которому Бог не вменяет греха, и показывает преимущество и превосходство веры (см. Пс. 31, 1–2). Ибо если блажен тот, кто получает прощение по благодати, то гораздо блаженнее тот, кто выказал веру и оправдан ею. Что же, говорит, затрудняешься в том, что он получает прощение грехов по благодати? Видишь, что получивший отпущение по благодати ублажается; ибо пророк не назвал бы его блаженным, если бы не знал, что он имеет большую славу: ибо блаженство есть нечто весьма важное и выше самой праведности: оно верх всех благ, получаемых нами от Бога.

9–10. Блаженство сие относится к обрезанию, или к необрезанию? Мы говорим, что Аврааму вера вменилась в праведность. Когда вменилась? по обрезании или до обрезания? Не по обрезании, а до обрезания. Если, говорит, блаженство принадлежит тому, кому не вменит Господь греха, то есть оправданному, а Авраам оправдан: то всеконечно он получил блаженство. Посмотрим же, когда он оправдался: до обрезания ли, или по обрезании? Всеконечно до обрезания. Значит, блаженство падает на необрезание, то есть более принадлежит необрезанию, нежели обрезанию.

11–12. И знак обрезания он получил, как печать праведности через веру, которую имел в необрезании, так что он стал отцом всех верующих в необрезании, чтобы и им вменилось в праведность, и отцом обрезанных, не только принявших обрезание, но и ходящих по следам веры отца нашего Авраама, которую имел он в необрезании.

Решает естественно возникающее возражение. Иной, быть может, возразил бы; если Авраам оправдался до обрезания, то для чего был обрезан? Апостол отвечает: он **знак обрезания... получил** вместо печати, запечатлевающей, что он оправдался верою, которую обнаружил прежде, будучи необрезанным. Итак, относительно Авраама представляются два предмета: необрезание и обрезание. Через необрезание он оказывается отцом необрезанных. Но каких? Которые подобно ему веруют, **чтобы и им вменилось в праведность**, то есть чтобы и они оправдались. С другой стороны, через обрезание Авраам оказывается отцом **обрезания**, то есть обрезанных. Отец же он не тех, которые имеют только обрезание, но которые и ходят по следам веры его, которую имел в необрезании. Итак, настоящее место надобно читать так: стал и отцом обрезания не для тех, которые подобны ему по одному обрезанию, но и для тех, которые ходят по стопам веры его, то есть подобно ему веруют в воскресение мертвых тел. Ибо он на старости и в омертвлении поверил, что Бог может сделать семя его плодовитым и дать ему сына. Полная мысль такая. Авраам, будучи необрезанным, уверовал и оправдался, чтобы таким образом стать отцом верующих необрезанных. С другой стороны, он получил обрезание, печать и знак веры, которая в необрезании, чтобы стать отцом обрезанных, ходящих, разумеется, по следам его веры, которую имел он, не будучи еще обрезан. Коль скоро нет этой веры, обрезание попусту хвалится, подражая тому, кто показывает кошелек, к которому приложена только печать, но в котором нет ничего. Итак, иудей есть кошелек, запечатанный обрезанием, но веры, печать которой есть обрезание, не имеющий.

13–14. Ибо не законом даровано Аврааму, или семени его, обетование – быть наследником мира, но праведностью веры. Если утверждающиеся на законе суть наследники, то тщетна вера, бездейственно обетование.

Апостол доказал уже, что оправдание бывает не законом, но верою. Теперь он доказывает, что и обетование получил Авраам не законом, но праведною верою. Какое **же обетование? Быть наследником мира**, то есть чтобы в нем благословились все народы всего мира. Ибо если наследие, говорит, дано законом, то **тщетна вера**, то есть оказывается тщетною и бесполезною. Ибо кто станет заботиться о вере, если обетование наследия дано законом? Но положение дела не таково. Авраам наследовал обетование не законом (ибо где тогда был закон?), но верою, как написано: **Авраам поверил** (Быт. 15, 6).

15. Ибо закон производит гнев, потому что, где нет закона, нет и преступления.

Теперь доказывает, каким образом **бездейственно обетование**. С законом, говорит, соединено преступление, а преступление закона производит гнев и подвергает клятве и наказанию. Как же, спрашивается, виновный в преступлении достоин наследовать?

16–17. Итак по вере, чтобы было по милости, дабы обетование было непреложно для всех, не только по закону, но и по вере потомков Авраама, который есть отец всем нам (как написано: «Я поставил тебя отцом многих народов») пред Богом, Которому он поверил, животворящим мертвых и называющим несуществующее, как существующее. Так как закон производит гнев, то и говорится, что Авраам оправдался и стал наследником верою, чтобы все было по благодати. А благодать на что полезна. **Дабы обетование было непреложно.**

Ибо благодать, не как закон, не имеет преступления, чтобы даруемое было нетвердо. Поскольку же все бывает по благодати и милости Божией, то даруемое по справедливости непреложно **всем нам**, то есть для всех верующих, не для тех только, которые **по закону**, то есть обрезаны, но и для тех, которые не обрезаны, которые суть семя Авраама, рожденное **по вере**. Поэтому кто не имеет веры, тот не есть семя Авраама, **который есть отец всем нам**, то есть верующим, как написано: **Я поставил тебя отцом многих народов** (см. Быт. 17, 4). Смысл такой: Авраам есть отец всех **пред Богом**, то есть подобно Богу. Как Бог есть отец всех, так и Авраам, не по естественному родству, но по союзу веры. **Которому он поверил** присовокупил для того, чтобы показать, что Авраам получил и награду за веру быть отцом всех. Поэтому если ты, иудей, не признаешь, что Авраам есть отец всех, то ты уменьшил почесть, которую получил он верою.

Животворящим мертвых, и называющим несуществующее, как существующее. Теперь повторяет сказанное выше, то есть что Авраам поверил, что омертвевшую плоть, какова была его, может Бог не только оживить, но и сделать плодovитую; почему и говорит теперь: **животворящим мертвых**. Слова же **называющим несуществующее, как существующее** присовокупил для того, чтобы показать, что для Бога не невозможно сделать тех, которые не дети Авраама, детьми его. Не сказал, однако – «приводящим» в бытие несуществующее, но **называющим**. Сколь легко для нас назвать что-нибудь существующее, столь же удобно для Бога привести в бытие – несуществующее.

18. Он, сверх надежды, поверил с надеждою, через что сделался отцом многих народов...

Не подумай, говорит, что Авраам удостоен почестей не по заслугам. Ибо возможно ли это, когда он сверх надежды человеческой поверил с надеждою Божиею, что сделается отцом многих народов, не тех, которые произошли от Измаила (ибо они произошли от Авраама не по вере, но по естеству), но тех, которые подобны ему по вере?

18–21. По сказанному: «так многочисленно будет семя твое». И, не изнемогиши в вере, он не помышлял, что тело его, почти столетнего, уже омертвело, и утроба Саррина в омертвлении; не поколебался в обетовании же Божиим неверием, но пребыл тверд в вере, воздав славу Богу и будучи вполне уверен, что Он силен и исполнить обещанное.

Сказав, что Авраам сверх надежды человеческой поверил с надеждою Божиею, теперь доказывает это, говоря, что Аврааму было сказано: **умножу семя твое как звезды небесные и как песок** (Быт. 15, 5; 22, 17); он же не ослабел в вере, но, пребывая в ней твердым, не обратил внимания ни на собственное тело, уже омертвевшее от времени, ни на сугубое омертвление утробы Сарриной (ибо утроба ее омертвела и от старости и от бесплодия), и не стал недоумевать, то есть нимало не усомнился, не поколебался мыслию, **по пребыл тверд в вере**. Заметь, как доказывает, что верующий имеет нужду в большой силе. Многие унижали веру, как дело, не требующее труда, а дела возвышали, как требующие пота и силы. Но апостол говорит, что верующий имеет нужду в великой и мощной душе, чтобы отражать внушения неверия, как и Авраам возмог верою. А как возмог верою Авраам? **Воздав славу Богу**, то есть не посредством человеческих умозаключений уверовав, но помышляя в себе достойное славы Божией и быв уверен, что Бог может сделать невозможное, ибо в этом состоит слава Божия. **Почти столетнего** сказал приблизительно, потому что в то время Аврааму не было еще ста полных лет.

22–25. Потому и вменилось ему в праведность. А впрочем не в отношении к нему одному написано, что вменилось ему, но и в отношении к нам, вменится и нам, верую-

щим в Того, Кто воскресил из мертвых Иисуса Христа, Господа нашего, Который предан за грехи наши и воскрес для оправдания нашего.

Апостол многое сказал в похвалу Аврааму, а кто-нибудь мог возразить: что нам из этого? Поэтому и высказывает, что о том написано и для нас, что и нам вменится вера в правду, только бы мы имели ее, веруя в Того, Кто воскресил Иисуса. Если сомневаешься, как можешь оправдаться, то представь в душе своей Иисуса, который изгладил все грехи твои, который умер не за собственный грех, но за грех мира. Поскольку же Он умер, не имея греха, то справедливо воскрес. Ибо как мог быть удержан в аде Тот, Кто не имел греха? Итак, Он для того и умер и воскрес, чтобы и от грехов освободить и со делать праведными. Поэтому как Авраам поверил, что его омертвевшее уже тело делается плодовитым, так и ты веруй, что Иисус умер и воскрес, и тебе вменится в правду, как и праотцу твоему Аврааму.

Глава пятая

1–2. Итак, оправдавшись верою, мы имеем мир с Богом через Господа нашего Иисуса Христа, через Которого верою и получили мы доступ к той благодати, в которой стоим и хвалимся надеждою славы Божией.

Здесь рассуждает апостол о жизни по вере, чтобы мы после того, как он столь много сказал в похвалу веры и унизил дела, не сделались нерадивыми. Так как вера оправдала нас, то не будем уже грешить, но **имеем мир с Богом** посредством угодной Ему жизни. Как же это будет? **Через Господа нашего Иисуса Христа.** Он, оправдавший нас, когда мы были грешниками, поможет нам и сохранится в правде Его; ибо через Него **получили мы доступ к той благодати.** Если Он привел далече бывших, то тем паче удержит близ сущих. Привел же нас **к той благодати.** Каким образом? **Верою,** то есть когда мы принесли веру. Что же это за благодать? Получение всех благ, какие подаются нам посредством крещения. **В которой стоим,** имея твердость и непоколебимость. Ибо Божественные блага всегда стоят и никогда не отпадают. И не только твердо содержим полученное, но уповаем получить и прочее. **Хвалимся,** говорит, **надеждою** благ, которые даны будут нам в будущем: они, как относящиеся к славе Божией, непременно даны будут, если не для нас, то для прославления Самого Бога.

3–5. И не сим только, но хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает, потому что любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам.

Не только, говорит, хвалимся благами будущими, но, что еще более, даже настоящими скорбями своими. Не смущайтесь же, говорит, тем, что мы в скорбях: это самое есть похвала для христианина. Каким образом? Ибо скорбь производит терпение, терпение же делает искушаемого опытным, а опытный человек, успокаивая себя в доброй совести тою мыслию, что подвержен скорбям для Бога, уповает на воздаяние за эти скорби. А такое упование не бесплодно, **не постыжает** надеющегося. Человеческие надежды, не сбываясь, постыжают надеющихся, а Божественные надежды не таковы. Ибо Подающий блага бессмертен и благ, а при том, и мы, хотя и умрем, оживем, а затем ничто уже не воспрепятствует надеждам нашим сбыться.

Потому что любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам. О будущем уверяет тою любовью, которую показал уже к нам Бог. Говорит как бы так: не теряй веры; упование на Божественные блага не тщетно: ибо Кто столько возлюбил нас, что сделал нас чадами Божиими, без всякого труда нашего, посредством Духа Святого, Тот как не даст венцов после трудов? **Излилась,** говорит, **любовь Божия в сердца наши,** то есть является обильною и богатою в нас, имеющих в сердцах Самого Духа, Которого дал нам Бог.

6–9. Ибо Христос, когда мы еще были немощны, в определенное время умер за нечестивых. Ибо едва ли кто умрет за праведника; разве за благодетеля, может быть, кто и решится умереть. Но Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками. Посему тем более ныне, будучи оправданы Кровию Его, спасемся Им от гнева.

Сказав, что любовь Божия оказывается излитой в нас чрез Духа, которого мы имеем в себе, как дар от Бога, показывает еще и величие этой любви из того, что Христос умер за нас, немощных, то есть грешников, но, что еще хуже, за нечестивых, хотя едва кто и за праведника умрет. Итак, это преизбыток любви – умереть за грешников и нечестивых. Когда же Он умер по любви и смертью оправдал нас, тем паче теперь спасет от гнева нас, которых

уже оправдал. Даровал нам большее оправдание: как не спасет от гнева? А спасенным от гнева дарует и блага – по великой любви Своей.

10. Ибо если, будучи врагами, мы примирились с Богом смертью Сына Его, то тем более, примирившись, спасемся жизнью Его.

Хотя, казалось бы, говорит здесь то же, но умозаключения через сравнение различны. Выше полагает нашу греховность и потом, прилагая, что мы оправданы, через сравнение заключает: Кто оправдал нас, грешников, своею смертью, Тот тем более спасет оправданных. А теперь, упоминая о смерти и жизни Христовой, опять сравнительно умозаключает: когда мы примирены кровию и смертью Господа, то как теперь не спасемся в Его жизни? Ибо Кто не пощадил Сына Своего, но дал Его на смерть для нашего примирения, Тот не тем ли паче теперь спасет нас Его жизнью?

11. И не довольно сего, но и хвалимся Богом через Господа нашего Иисуса Христа, посредством Которого мы получили ныне примирение.

Не только, говорит, спасены мы, но и хвалимся Богом, потому что спасены тогда, когда были нечестивыми, и спасены Кровию Единородного. Хвалимся же Господом Иисусом Христом, ибо Он, виновник нашего примирения, есть виновник и нашего хваления.

12. Посему, как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили.

Сказав, что Господь Иисус оправдал нас, обращается к корню зла, к греху и смерти, и показывает, что тот и другая, то есть грех и смерть, вошли в мир через одного человека, Адама, и опять одним же человеком, Христом, устранены. Что же значит: **в нем все согрешили?** То, что все согрешили в Адаме. Как скоро он пал, то через него сделались смертными и не вкушившие от запрещенного древа, как будто они и сами пали, потому что он пал.

13–14. Ибо и до закона грех был в мире; но грех не вменяется, когда нет закона. Однако же смерть царствовала от Адама до Моисея и над несогрешившими подобно преступлению Адама, который есть образ будущего.

Апостол хочет доказать, что и не вкушившие от запрещенного древа и не грешившие, подобно Адаму, по причине греха его также сочтены согрешившими и умерли. Доказывает же это так: грех царствовал до издания закона, то есть и прежде закона. Какой же это был грех? Грех ли от преступления закона? Но как мог быть такой грех, когда не было закона? Грех тогда вменяется, когда есть закон, и люди, преступающие закон, по необходимости называются грешащими. **Однако же смерть царствовала** даже **до Моисея**, то есть до закона. Значит, был грех, через который смерть царствовала: если бы не было какого-либо греха, который удержал бы смерть, она не царствовала бы. Поскольку же доказано, что греха от преступления закона еще не было, то остается, что то был грех Адамов, через который смерть царствовала и над теми, которые не согрешили непосредственно (ибо не получившие закона и не преступившие его не называются согрешившими), но согрешили в подобии преступления Адама и сделались причастны падению его, как праотца, который есть образ Христа. Ибо как древний Адам сделал всех повинными в его падении, хотя они не пали, так и Христос оправдал всех, хотя они не сделали ничего, за что следовало бы оправдать их. Вот почему он есть **образ будущего**, то есть Христа.

15–16. Но дар благодати не как преступление. Ибо если преступлением одного подверглись смерти многие, то тем более благодать Божия и дар по благодати одного Человека, Иисуса Христа, преизбыточествуют для многих. И дар не как суд за одного

согрешившего; ибо суд за одно преступление – к осуждению; а дар благодати – к оправданию от многих преступлений. Христос, говорит, доставил пользу не в такой лишь мере, в какой причинил вред Адам. Если грех столько был силен, что вследствие падения одного осуждены все потомки его, хотя они не пали, то гораздо большее и обильнейшее действие произведет на многих благодать Бога Отца, и не только Его, но и Сына Его. И дар Божий не может быть равномерен осуждению через одного согрешившего. Ибо *преступление*, то есть грех, подлежащий осуждению, проистекающий от *одного* Адама, к *осуждению*, то есть к смерти, и множество грехов всегда существовали в потомстве его, так что люди находились во власти многих грехов и смерти. *А дар благодати – к оправданию от многих преступлений*, то есть благодать не только изгладила этот единый грех, но и другие грехи, за ним следовавшие; ибо стала для нас в оправдание, подавая нам отпущение всех преступлений, совершенных после падения.

17–18. *Ибо если преступлением одного смерть царствовала посредством одного, то тем более приемлющие обилие благодати и дар праведности будут царствовать в жизни посредством единого Иисуса Христа. Посему, как преступлением одного всем человекам осуждение, так правдою одного всем человекам оправдание к жизни.*

Если вкушение одного человека от запрещенного древа произвело то, что стала царствовать смерть, то тем более мы, получившие обилие и избыток благодати и оправданные будем жить и царствовать *посредством единого Иисуса Христа*, Которого мы братья, с Которым совокупились мы в одно тело, с Которым соединились мы так, как тело с главою. Ибо мы получили не простое и не единообразное благо, чтобы оставалась еще для нас возможность сомневаться относительно будущего: наши блага плод обильной благодати. Представь, что кто-нибудь много задолжал и ввергнут в темницу вместе с женою и детьми, а потом не только освобождается от темницы и долга, но и получает десять тысяч талантов, вводится в царский дворец, удостоивается высокой чести и становится сыном царя. Так точно случилось с нами. Итак, – говорит апостол, заканчивая мысль, – как через преступление одного (что выше назвал он грехом, то теперь называет преступлением, разумея грех Адама) все люди подверглись проклятию, так и через оправдание единого Христа на всех людей излилась благодать, дающая им и оправдание, вместо греха, и жизнь, вместо смерти.

19. *Ибо, как непослушанием одного человека сделались многие грешными, так послушанием одного сделаются праведными многие.*

Здесь, казалось бы, повторение, но на самом деле его нет. Выше сказал (ст. 18): *как преступлением одного всем человекам осуждение, так правдою одного всем человекам оправдание*, а теперь объясняет, в чем состояло прегрешение единого, и говорит, что оно было ослушание, через которое многие соделались грешными, то есть повинными наказанию и осужденными на смерть; объясняет также, в чем состоит оправдание Единого, то есть Христа, и говорит, что оно есть послушание даже до смерти, и смерти крестной, через какое послушание сокрушена смерть и мы освобождены от осуждения на нее.

20. *Закон же пришел после, и таким образом умножилось преступление. А когда умножился грех, стала преизобилывать благодать.*

После того, как доказал, что в Адаме все осуждены, а во Христе спасены, кто-нибудь, вероятно, мог усомниться и возразить: что же делал в течение стольких лет закон, если оправдал нас Христос? *Закон*, отвечает, *пришел*, то есть дан был на время, не был главною и важнейшею потребностью. Когда же он *пришел*, то преступление умножилось. Ибо он давал множество заповедей, но все эти заповеди люди преступили, почему и умножилось преступление. Частица *же* не означает здесь причину, но указывает на последствие. Закон

дан для уменьшения и истребления греха, а вышло противное, не по свойству закона, но по нерадению людей. Но тогда как через закон умножился грех, через Христа благодать Божия явилась преизобильно, не только освободив нас от грехов, но и оправдав и соделав небесными, и усыновив Богу. Поэтому не сказал – «изобилловать», но – ***преизобилловать***, показывая этим большое изобилие ее.

21. Дабы, как грех царствовал к смерти, так и благодать воцарилась через праведность к жизни вечной Иисусом Христом, Господом нашим.

Сказав, что благодать явилась преизобильно, апостол, чтобы мы не были неверными, показывает, что такое явление ее соответствует цели, и говорит: грех был царем, а смерть воином, им вооруженным. Если же царствовал над нами грех, имея смерть как бы воином каким, то тем более воцарится в нас благодать, сообщающая праведность, уничтожающую грех, и вместе с истреблением греха истребляющая и смерть, а у последней оправдание. Итак, оправдание умертвило царя, грех, а с ним вместе смерть, и, наконец, введена вечная жизнь.

Глава шестая

1–2. Что же скажем? оставаться ли нам в грехе, чтобы умножилась благодать? Никак. Мы умерли для греха: как же нам жить в нем?

Апостол сказал, что когда умножился грех, преизобильно явилась благодать. Вследствие этого иной мог бы рассуждать: итак, не перестанем грешить, чтобы благодать явилась обильнее, но апостол опровергает такое рассуждение, выражаясь отрицательно: **никак** – как обыкновенно выражается он о чем-нибудь, по общему признанию, крайне нелепом.

Потом приводит доказательство: поскольку мы умерли для греха, стали мертвыми для него через крещение, так что уже не должны слушаться его, то как же нам еще жить в нем, иметь расположение к нему и слушаться его? Отсюда узнаем, что через крещение всякий верующий действительно умирает для греха, но по нерадению своему сам «воскрешает» себя и тотчас оживает для него, лишь только соединится с ним, напротив, старательный всегда сохраняет в себе эту мертвенность и, что бы ни приказывал ему грех, не повинуетя ему, как мертвый.

3–4. Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились? Итак мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни.

Рассказывает, как умерли мы для греха, и говорит: через крещение. Мы крестились в смерть Христа; значит, и мы должны умереть, как умер Он. Ибо что для Христа крест и гроб, то для нас крещение, хотя и в другом отношении; потому что Христос умер и воскрес плотью, а мы умираем для греха и воскресаем для добродетели, чтобы как Христос плотию воскрес из мертвых **славою Отца**, то есть Собственной Божественностью (ибо слава Отца – Сын), так и мы воскресаем другим воскресением, то есть новым образом жизни. Так, когда блудник становится целомудренным, то представляет собою смерть и воскресение, смерть порока и воскресение и оживление добродетели в человеке.

5–6. Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть соединены и подобием воскресения, зная то, что ветхий наш человек распят с Ним, чтобы упразднено было тело греховное, дабы нам не быть уже рабами греху.

Не сказал «приобщились подобию смерти» Его, но говорит **соединены**, указывая словом **соединение** на плод смерти Христовой в нас. Тело Христово, погребенное в земле, принесло плод спасения. Поскольку же мы погребены в воде, а Христос в земле, и притом мы погребены для греха, а Он телом, то не сказал – «смертью», но – **подобием смерти**. Поэтому мы будем общипками и воскресения, наследуем жизнь вечную, как показавшие воскресение, состоящее в добрых делах. **Ветхий наш человек**, то есть порочность, **распят с Ним**, то есть подобно телу Христову погребен в крещении; **чтобы упразднено было тело греховное**, то есть слагающаяся из разных видов порочность, или склонное ко греху тело наше, почему и прибавляет: **дабы нам уже не быть рабами греху**. Желая, говорит, чтобы тело было мертво, не в том смысле, чтобы истребилось, но в том, чтобы не грешило.

7. Ибо умерший освободился от греха.

Это говорит о целом человеке. Как умерший **освободился от греха**, то есть избавился, свободен, так и ты, крестившийся и умерший для греха, оставайся мертвым.

8–11. Если же мы умерли со Христом, то веруем, что и жить будем с Ним, зная, что Христос, воскреснув из мертвых, уже не умирает: смерть уже не имеет над Ним

власти. Ибо, что Он умер, то умер однажды для греха; а что живет, то живет для Бога. Так и вы почитайте себя мертвыми для греха, живыми же для Бога во Христе Иисусе, Господе нашем.

Здесь, казалось бы, повторение сказанного; но в самом деле его нет. Выше апостол сказал, что мы всегда должны оставаться мертвыми для греха, а теперь рассуждает о воскресении новой жизни по Боге, которою мы всегда должны иметь. Если мы через крещение умерли со Христом, то веруем, что всегда будем иметь присущим нам воскресение, состоящее в новой жизни, ибо и Христос, воскресши из мертвых, живет всегда, уже не умрет. **Ибо, что Он умер, то умер однажды для греха**, значит: Христос умер за наш грех, тогда как Сам по Себе не был повинен смерти. **А что живет, то живет для Бога**, то есть живет Божественною силою, ибо Он всегда живет в силе Бога и Отца. Поскольку же Христос не умирает в другой раз, то и мы не умираем вторично через второе крещение.² Итак, останемся в прежнем, то есть в смерти греха, но в воскресении жизни по Боге. А это получили мы о Христе Иисусе, то есть при Его помощи: ибо Кто воскресил нас, когда мы были еще мертвы, Тот тем более сохранит нас в жизни, когда мы стали живы.

12. Итак да не царствует грех в смертном вашем теле, чтобы вам повиноваться ему в похотях его.

Желая показать, что мы удерживаемся во власти пороков не насильно и принужденно, но по собственному произволу, не сказал – «да не тиранствует», но говорит **да не царствует**: ибо царство есть удел имеющих волю. Выражением же **в смертном вашем теле**, во-первых, показал, что ни приятное для тела не прочно (ибо тело подвержено смерти), так что не должно услуживать телу в удовольствиях, ни трудное не постоянно, так что не должно бегать прискорбного и подвигов против удовольствий, во-вторых, напоминает нам, что смертность есть последствие греха, и внушает не раболепствовать уже греху, как причиняющему смерть. Каким же образом царствует грех? Если повинемся ему **в похотях его** телесных, так что не тело причиняет вред по естеству своему, но повиновение греху. Заметь благодать Христову: Адам согрешил, хотя имел тело не смертное, а мы побеждаем грех в смертном теле.

13. И не предавайте членов ваших греху в орудия неправды, но представьте себя Богу, как оживших из мертвых, и члены ваши Богу в орудия праведности.

Где манихеи, которые говорят, что тело порочно по естеству? Тело есть орудие, а орудие есть средство к добродетели и пороку. Так меч для воина служит оружием за граждан, а у разбойника он есть оружие против граждан. **Не предавайте членов ваших греху в орудия неправды**. Ибо кто грешит, тот несправедливо поступает часто и в рассуждении ближнего, а всегда – в рассуждении самого себя. **Но представьте себя Богу**, размышляя, какое различие между Богом и грехом, и кому лучше быть подчинену и царствовать, греху ли, который умертвил, или же Богу, который оживотворил. Сказав, что члены суть оружия неправды, показал, с одной стороны, что тело, как сказано выше, не есть что-нибудь худое, когда может быть оружием правды, а с другой – что наступила брань и что нам нужно находиться под предводительством Бога и взять оружие на защиту души своей.

14. Грех не должен над вами господствовать, ибо вы не под законом, но под благодатью.

До пришествия Христова, говорит, тело ваше было удобопобедимо для греха. Тогда не было еще ни вспомоществующего Духа, ни крещения, могущего умерщвлять. Поэтому и закон, предписывая, что делать, ничего не успел. По пришествии же Христовом, борьба

² То есть для нас нет второго крещения.

сделалась легче; почему и подвиги у нас, как получивших большие пособия, труднейшие. Итак, грех не будет господствовать над нами, если не слишком будем уступать ему. Теперь не закон, который только дает заповеди, а помощи не оказывает ни малейшей, но благодать, которая прощает прежние грехи и укрепляет для будущего.

15–16. *Что же? станем ли грешить, потому что мы не под законом, а под благодатью? Никак. Неужели вы не знаете, что, кому вы отдаете себя в рабы для послушания, того вы и рабы, кому повинуетесь, или рабы греха к смерти, или послушания к праведности?*

Всегда предлагает апостол такие возражения, почему и приводит и решает их, как поступает и с настоящим возражением, отвечая на него: **никак**. Потом доказывает, что для нас не трудно грешить. Представьте, внушает, в уме своем, что лучше: быть ли рабами греха, предавшись ему по своей воле (это значит: **отдаете**), и получить в награду смерть, то есть вечное наказание (ибо грех Адама породил смерть телесную и временную, а теперь совершаемый грех подвергает человека вечной смерти, то есть вечному наказанию), или повиноваться Богу и получить в награду праведность и проистекающие из нее блага?

17. *Благодарение Богу, что вы, быв прежде рабами греха, от сердца стали послушны тому образу учения, которому предали себя. Благодарение Богу.* Освобождение нас от оных зол есть дело не человеческой силы, но Божией: почему и должно благодарить. Потом вы стали послушны не по принуждению, но по собственному сердечному расположению; поэтому не возвращайтесь на худшее, от которого отстали вы добровольно. В доказательство же того, что хотя бы они сами пришли, но все это зависело вместе и от благодати Божией, присовокупил: **предали себя**, то есть Богом наставлены на образ учения. Какой же образ учения? Жить благочинно и благоустроенно.

18–19. *Освободившись же от греха, вы стали рабами праведности. Говорю по рассуждению человеческому, ради немощи плоти вашей. Как предавали вы члены ваши в рабы нечистоте и беззаконию на дела беззаконные, так ныне представьте члены ваши в рабы праведности на дела святые.*

Два, говорит, благоденствия получили от Бога: и освобождены от такого бесчестия, и стали рабами праведности, что составляет для вас великую славу. Потом, желая сказать, чтобы римляне так служили Богу, как служили греху, предварительно замечает: **говорю по рассуждению человеческому**: то есть предлагаю нечто низкое, недостойное предмета, соразмерное вашей немощи. Ибо надлежало показать несравненно большую меру служения Богу, нежели греху; но по немощи своей, говорит, представьте хотя бы равную меру. Заметь, как весьма ясно показал наше добровольное рабство, сказав: **ныне представьте члены ваши**. Сами, говорит, делая себя пленниками, вы подвергались нечистоте, то есть прелюбодеянию, любодеянию, делам самым постыдным, и что говорю об одной нечистоте — вообще сказать всякому **беззаконию**, и притом **в рабы беззаконию**, то есть чтобы еще более беззаконничать: ибо, совершив какой-либо грех, вы не остановились на том, но в этом самом нашли себе побуждение к дальнейшему беззаконию. Итак, в той же мере представьте члены свои **в рабы праведности**, то есть всякой добродетели, чтобы проводить жизнь в целомудрии и святости, а не в прежней нечистоте.

20–21. *Ибо, когда вы были рабами греха, тогда были свободны от праведности. Какой же плод вы имели тогда? Такие дела, каких ныне сами стыдитесь, потому что конец их — смерть.*

Когда вы, говорит, жили в пороках, отчуждены были от правды, тогда вы не подчинялись ей, вовсе не хотели служить ей и сами освобождали себя от нее. Поэтому и теперь, служа правде, не подчиняйтесь греху. И какой плод имели вы от нечистоты? Никакого, кроме бесчестия, и что говорю – бесчестия? Имели плодом смерть, *потому что конец их – смерть*, и телесная весьма часто, и душевная всегда. Но от смерти вы избавлены благодатию Христовою, а стыд еще остается не без пользы; ибо теперь вы стыдитесь грехов тех.

22–23. Но ныне, когда вы освободились от греха и стали рабами Богу, плод ваш есть святость, а конец – жизнь вечная. Ибо возмездие за грех – смерть, а дар Божий – жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем.

Плод дел греха есть стыд; плод правды – освящение, чистота, непорочность. Конец первых – смерть; конец последней вечная жизнь. *Ибо возмездие за грех – смерть.* Так, говорит, и вам, служащим греху, грех давал возмездие смерть. *А дар Божий.* Не сказал – «возмездие от Бога», но *дар*. Ибо не как вознаграждение или воздаяние за труды вы приняли, но все то произошло от благодати во Христе Иисусе: ибо все совершено Им.

Глава седьмая

1–3. Разве вы не знаете, братия (ибо говорю знающим закон), что закон имеет власть над человеком, пока он жив? Замужняя женщина привязана законом к живому мужу; а если умрет муж, она освобождается от закона замужества. Посему, если при живом муже выйдет за другого, называется прелюбодейцею; если же умрет муж, она свободна от закона, и не будет прелюбодейцею, выйдя за другого мужа.

Оставив нравственное учение, возвращается к догматическому и доказывает, что слушатели его не должны уже оставаться под законом. Закон, говорит, как и вам известно, имеет власть над человеком, доколе человек остается в живых, ибо на мертвых он не простирается. Так и вы, говорит, умерли для закона, и потому он не имел уже, наконец, власти над вами. Так намекает на это в начале, а далее говорит об этом с иной стороны. Именно: когда умрет муж, то жена имеет власть сочетаться браком с другим. Здесь мужу уподобил закон, а жене – слушателей своих. Затем надлежало сказать: следовательно, братия, закон не имеет власти над вами, ибо он умер. Но апостол не сказал так, чтобы не огорчить иудеев, но представляет умершую жену, то есть самых иудеев, которые потому пользуются двоякою свободою. Ибо если жена свободна от власти закона, когда умрет муж ее, то тем паче свободна она, когда умерла сама.

4. Так и вы, братия мои, умерли для закона телом Христовым, чтобы принадлежать другому, Воскресшему из мертвых, да приносим плод Богу.

Если вы, говорит, умерли, то не состоите под законом. Ибо если жена по смерти мужа не подлежит ответственности, то тем паче свободна она от ига закона, когда умерла сама. Заметь, как мудро доказывает, что сам закон хочет, чтобы оставили его. Итак, и вы освободились от закона телом Христа, Распятого за нас. Ибо тело для того и умерщвлено, чтобы вы умерли для закона и были под властью другого, за вас умершего и потом воскресшего. Ибо закон не живет уже после того, как умер, а Христос живет и после того, как умер, так что вы не имеете власти отступать от Него живущего. А какая польза от этого? **Да приносим плод Богу**, то есть чтобы от того брака, в котором сочетались мы с Христом, родить нам Богу детей, то есть добрые дела.

5. Ибо, когда мы жили по плоти, тогда страсти греховные, обнаруживаемые законом, действовали в членах наших, чтобы приносить плод смерти.

Доказывая, что закон нисколько не помогает нам в избежании плотских страстей, а только показывает их, говорит: когда мы были в плотской жизни и в худых делах, то в членах наших действовали страсти греховные, обнаруженные законом и узнаваемые через закон. Не сказал: члены производят пороки, чтобы не дать места обвинению плоти. Ибо душа есть как бы музыкант какой, а члены суть гусли. Если музыкант играет дурно, то и гусли издадут дурные звуки. Итак, когда мы состояли под законом и не могли избежать страстей, то рождали смерти дурные дела.

6. Но ныне, умерши для закона, которым были связаны, мы освободились от него, чтобы нам служить Богу в обновлении духа, а не по ветхой букве.

Чтобы не огорчить иудеев, не сказал – «упразднился закон», но – **мы освободились от него**, то есть отрешились, освободились, умерли и стали мертвы и неподвижны по отношению к той привязи, на которой держали нас. А привязь эта есть грех, ибо на нем держались мы как бы на цепи какой. Умерли же мы для греха, чтобы **чтобы служить Богу в обновлении духа, а не по ветхой букве**. В древности добродетель была трудна, потому что

Адам получил в смертном теле своем множество природных недостатков; а теперь благодатью Христовою в крещении природа наша получила помощь от Духа, который соделал нас новыми и юными и освободил от ветхости и немощи буквы. Поэтому во время закона девство было какою-то редкостью, а теперь в Церкви тысячи благочестиво ведущих девственную жизнь. То же самое надобно сказать и о презрении к смерти.

7. Что же скажем? Неужели от закона грех? Никак. Но я не иначе узнал грех, как посредством закона. Ибо я не понимал бы и пожелания, если бы закон не говорил: «не пожелай».

Апостол многое сказал, казалось бы, в обвинение закона: именно: **грех не должен над вами господствовать, ибо вы не под законом, но под благодатью** (Рим. 6, 14), и: **закон же пришел после, и таким образом умножилось преступление** (Рим. 5, 20) и еще: **ветхой букве** (Рим. 7, 6). Поэтому чтобы устранить такое подозрение, вводит возражение в виде вопроса и говорит: что же скажем о законе? То ли, что он есть грех? Потом решает это возражение, сначала отвечая отрицательно, как обычно говорит о крайне нелепом, а затем предлагает доказательства. Закон, говорит, не есть грех, но указатель греха; ибо я не знал бы и пожелания, если бы закон не говорил: **не пожелай** (см. Исх. 20, 17). Как же, наконец, случился потоп? как сожжен Содом, если до закона не знали, что пожелание есть зло? Знали и тогда, но тогда пожелание не было усилено и потому познавали его не с такою обстоятельностью с какою стали разуметь его, когда дан закон. Первоначально знали пожелание по одному естественному закону, но впоследствии и по писанному, почему и стало оно поводом к большому наказанию, а это произошло не от научений закона, но от беспечности не внимающих предписаниям закона, что показывает апостол и далее.

8. Но грех, взяв повод от заповеди, произвел во мне всякое пожелание: ибо без закона грех мертв.

Не сказал – «закон произвел пожелание», но – **грех** (который, по Златоусту, есть беспечная и испорченная воля), и диавол (ибо его некоторые разумели под грехом), или склонность к удовольствию и стремление к худшему самое научение закона употребили во зло. Несправедливо было бы обвинять врача, который больному горячкою, готовому непрестанно пить воду, не дает пить и тем усиливает в нем желание пить; ибо дело врача – запретить, а не пить должен сам больной. Так и закон имел в виду научением отвлечь человека от похоти, но грехолюбивая воля усилила пожелание и произвела не одно, но всякое пожелание, с напряжением делая зло. Ибо когда кому воспрещают что-либо, тогда он более неистовствует. Итак, грех тогда обнаружится, когда закон был нарушен. **Ибо без закона грех мертв**, то есть не почитается существующим. Когда же есть закон, предписывающий должное, то грех живет, то есть существует и представляется грехом тем, которые преступают закон, грешат сознательно.

9-10. Я некогда без закона; но когда пришла заповедь, то грех ожил, а я умер.

До Моисея, говорит, я жил без закона, почему и подвергался не строгому осуждению (здесь говоря о себе, подразумевает природу человеческую); но когда пришла заповедь, то обнаружилось, что грех есть грех: ибо хотя люди грешили и прежде, однако не сознавали того. А в этом то и благо закона, что он сделал людей сознающими то, что они грешат. Слова **я умер** понимай двояко, – и так: «согрешил», и так: «сделался повинен большому наказанию», в чем виновен не закон, но тот, кто внемлет ему. Представь, например: кто-нибудь болен и не сознает, что он болен; потом приходит к больному врач и открывает ему, что он болен и что ему надобно воздерживаться от такой-то пищи, как усиливающей болезнь; больной не послушался врача и умер.

10–11. И таким образом заповедь, данная для жизни, послужила мне к смерти, потому что грех, взяв повод от заповеди, обольстил меня и умертвил его.

Не сказал «заповедь сделалась для меня смертью», но – *послужила*, объясняя тем необыкновенность и странность такой несообразности. Цель заповеди – вести к жизни, для чего и дана она. Если же произошла из того смерть, то виною этого не заповедь: ибо меня обольстил и умертвил через заповедь грех, то есть стремление к худшему и испорченное и грехолюбивое сердце, а лучше сказать – удовольствие. Ибо если бы не было заповеди, покаявающей грех, то я и совершающим грех не почитался бы, и не был бы повинен наказанию; ибо слово *умертвил* следует понимать о том и другом, и о грехе и о наказании, как и выше сказано о словах *я умер*. Вся сущность мысли апостола такая: когда нет закона, то грех не вменяется; когда же пришел закон и нарушен, то грех обнаружился и ожил, так что через нарушение заповеди грех, то есть обнаружение и состояние греха выступает, тогда как прежде он и не существовал и не вменялся, потому что и закона не было. Поэтому закон сам по себе не был причиною греха, но он не мог и освободить от него, так что, вследствие этой немощи закона, мы возымели нужду в благодати.

12. Посему закон свят, и заповедь свята и праведна и добра.

Здесь весьма явно заградил уста маркионитов, манихеев, симониан и всех оуждающих Ветхий Завет, ибо ясно провозглашает, что закон свят и заповедь свята, и праведна, и добра. Различает же закон от заповеди, как общее от частного, ибо в законе одно составляет догматы, а другое заповеди. Итак, и догматы закона святы, и заповеди касательно деятельности святы, и праведны, и добры. Следовательно, они суть законоположения благого и праведного Бога, хотя упомянутые еретики и богохульствуют, что закон происходит от злого бога.

13. Итак неужели доброе сделалось мне смертоносным? Никак; но грех, оказывающийся грехом потому, что посредством доброго причиняет мне смерть, так что грех становится крайне грешен посредством заповеди.

Закон, говорит, не сделался для меня смертию, но меня умертвил грех, да окажется, какое зло есть грех, и что он, несмотря на врачевание законом, стал хуже. А под грехом, как сказали мы выше, разумей и склонную к удовольствию волю и стремление к греху и потому диавола и самую деятельность, увлекаемую удовольствием. Благодарение Христу, освободившему нас от такого зла!

Так что грех становится крайне грешен посредством заповеди. Какая пагуба есть грех, это открылось через заповедь, ибо грех воспользовался заповедью к смерти. Так и о болезни, когда она через врачебные пособия приходит в худшее состояние, можно сказать, что она обнаружила злокачественность свою посредством врачебного искусства, хотя не получила от него никакой пользы.

14. Ибо мы знаем, что закон духовен, а я плотян, продан греху.

Апостол сказал, что грех открылся через заповедь. Поэтому, чтобы ты не подумал, что виною греха закон, произносит общий приговор и говорит: *ибо мы знаем, что закон духовен*. Всем, говорит, известно и всеми признано, что закон отнюдь не есть причина греха, но что он *духовен*, то есть – наставник добродетели и враг порока. От чего же произошел грех при столь дивном наставнике? От нерадения и немощи учеников. Ибо я, говорит, *плотян*, что значит: все естество человеческое, как до дарования закона, так и во время закона, наполнено было множеством страстей; ибо вследствие преступления Адамова мы не только сделались смертными, но природа наша получила страсти, продалась греху и стала рабою, так что и головы не могла поднять.

15. Ибо не понимаю, что делаю.

Здесь говорит не о совершенном неведении; ибо если бы грешили в неведении, то за что же наконец были наказываемы? Что же говорит? Пребываю во тьме, увлекаюсь, не знаю, как увлекает меня грех. Поэтому, когда говорит: **не понимаю**, то указывает не на незнание того, что должно делать, но на опасности, ковы, обольщение, увлечение. Все это говорит о людях, живших до пришествия Христа во плоти, хотя представил самого себя.

Потому что не то делаю, что хочу. Так выражается вместо следующего: ибо тогдашние люди не то делали, что хотели. Выражаясь же так, не внушает необходимости или принуждения. Но что говорит? Вот что: чего не одобряли, чего не принимали, чего не любили, то делали. Ибо далее присовокупляет:

А что ненавижу, то делаю. Видишь ли, что не вводит ни принуждения, ни необходимости? Ибо в противном случае присовокупил бы: к чему вынуждаюсь необходимостью, то делаю. Но это не сказал, а говорит – **что ненавижу**. Как же произошло зло? По увлечению, по немощи, которую имели от преступления Адамова. Эту-то немощь и не мог уврачевать закон, хотя и говорил, что должно делать; ее уврачевал, придя, Христос. Итак, здесь во всем, что сказал и что намерен сказать, цель у апостола та, чтобы доказать, что естество человеческое пришло в неисцелимое состояние и что его никто не исцелит, кроме одного Христа.

16. Если же делаю то, чего не хочу, то соглашусь с законом, что он добр.

Что закон добр, говорит, видно из того, что я по природе знаю, что должно делать, и что разум у меня не поврежден, хотя я и предаюсь пороку.

17–18. А потому уже не я делаю то, но живущий во мне грех. Ибо знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе.

Не сказал, что плоть делает это, но – **грех**, то есть увлекающее меня мучительство греха. Что же болтают вооружающиеся против плоти и исключаяющие ее из числа творений Божиих? Они предъявляют: ведь апостол говорит: **не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе**. Выслушай, в каком отношении высказал он это. Человек состоит из двух частей: души и плоти. Из них первая, то есть душа, властвует всем, а плоть есть раба. Поэтому выражение: **не живет в плоти моей доброе** значит: не состоит во власти плоти, но во власти души; что изберет душа, то и делает плоть. Все равно, как если кто скажет, что стройный звук не в гусях, но в гуслисте, тот не унижает гуслей, но показывает превосходство художника перед инструментом.

18–20. Потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех.

Выражением **не нахожу** обозначил нападение и козни греха; ибо слагает вину и с существа души и с существа плоти и все приписывает порочной деятельности и воле. Когда говорит: **которого не хочу**, то слагает вину с души, а когда говорит: **уже не я делаю**, то слагает вину с тела. Кто же делает зло? Грех, который, по словам Златоуста, есть порочная и грехолюбивая воля. А эта воля не есть создание Божие, но наше движение. Воля сама по себе есть творение Божие; но воля, направленная к известной цели, есть нечто наше собственное, действие нашего произволения. Выше сказано, что такое грех, то есть мучительство греха, увлекающее ум наш через удовольствие.

21. Итак я нахожу закон, что, когда хочу делать доброе, прилежит мне злое.

Выражение не ясное; в нем чего-то недостает. Надлежало бы сказать: итак, когда хочу делать доброе, нахожу себе в законе защитника, однако не делаю доброго, потому что прилежит мне зло. Смысл настоящего места такой: познание добра изначально вложено в меня; нахожу также, что и закон защищает его, и хвалит, и я желаю делать его, но вовлекаюсь какою-то другою силою и мне прилежит зло, то есть действие зла не уничтожается во мне. Впрочем, блаженный Иоанн Златоуст, истолковав настоящее место, как неполное, внушает, что его можно понимать и иначе, именно так: нахожу, что закон дан не другому кому, но мне, желающему делать доброе; ибо закон есть закон только для желающих делать доброе, как желающий того же, чего желает и он. Это уяснится из последующего.

22–23. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих.

Я знал добро и до закона, и когда нахожу его изображенным в письменах, хвалю закон и соглашаюсь с ним *по внутреннему человеку* или по уму своему. Но *вижу иной закон*, то есть грех, который назвал законом потому, что обольщаемые им покорствуют ему и боятся покинуть его, как закон какой, долженствующий быть исполненным. Закон этот противоборствует *закону ума моего*, то есть закону естественному (выше назвал его внутренним человеком, а теперь ясно называет его умом), и одерживает верх, даже делает меня пленником, побеждая и естественный и письменный закон. Каким образом делает пленником? *Законом греховным*, то есть силою, мучительством. Не сказал – «влечением плоти», или «природою плоти», но – *законом греховным*, господствующим в членах моих. Значит в этом не виновата плоть. Если разбойник займет царский дворец, то дворец нимало не виновен в том. Так и здесь: если в членах моих обитает грех, то от этого плоть не зла; ибо она изнасилована. Некоторые подмечают здесь четыре закона: один – Божий, научавший нас приличному, другой – противоборствующий, приходящий к нам по действию диавола, третий – закон ума, то есть естественный, последний – находящийся в членах наших, то есть грехолюбивое произволение и склонность к злу, делающие нас посредством привычки не чувствительными, ожесточенными сердцем.

24. Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти? Итак тот же самый я умом моим служу закону Божию, а плотию закону греха.

Закон естественный стал недостаточен, закон писанный оказался бессильным, тот и другой победило мучительство греха. Откуда же будем надеяться спасения? *Кто избавит меня от сего тела смерти?* то есть повинного смерти. Ибо тело, сделавшись подверженным страданию вследствие преступления, стало от этого и сподручным греху. Скажет кто-нибудь: если тело было сподручно греху, то за что были наказываемы грешники до пришествия Христова? За то, что им даны такие заповеди, которые они могли исполнить и находясь во власти греха.

25. Благодарю Бога моего Иисусом Христом, Господом нашим.

Поставленный в безвыходное положение и не нашедший другого спасителя, по необходимости нашел Спасителем Христа. Поэтому и благодарит *Бога Отца Иисусом Христом, Господом нашим*, то есть причиною благодарения, Христом. Он, говорит, исполнил то, чего не мог сделать закон; Он избавил меня от немощи плоти, укрепив ее, так что она не состоит уже под мучительством греха, но как через преступление Адама сделавшись смертною, стала удобопреодолимою для греха, так, через послушание Распятого и Воскресшего, получив залогом нетления, мужественно противится греху.

Сказал – *служу* вместо «служил»; ибо вспоминает о прежнем.

Глава восьмая

1. Итак нет ныне никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе живут не по плоти, но по духу.

Намереваясь сказать, что **нет ныне никакого осуждения** и далее, и показать неизреченную благодать Христову, вспоминает, каковы мы были прежде и что мы умом познали доброе, но **плотию**, то есть по немощи плоти подчиняясь закону греха. Но теперь нет никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе, то есть сподобившимся крещения. А поскольку многие грешат и после крещения, то присовокупил: **живут не по плоти**, давая этим понять, что все зло происходит от нашего нерадения. Ибо теперь возможно и легко жить **не по плоти**, а до Христа это было весьма трудно. Но мы должны не воздерживаться только от хождения по плоти, но и ходить **по духу**, ибо венец доставляется не воздержанием от порока, но участием в добродетели и духовных делах.

2. Потому что закон духа жизни во Христе Иисусе освободил меня от закона греха и смерти.

Законом духа называет Духа Святого, как и грех назвал законом греховным. А законом жизни назвал закон тот, в отличие от закона греховного, доставившего нам и смерть. Ибо благодать Божия умертвила и грех и смерть, а сделав для нас борьбу легкой, вывела таким образом на подвиг. Злые языки дерзнули разуть здесь под законом греховным закон Моисеев; но апостол нигде не наименовал его так, а назвал его святым и духовным. Если же, возражают, и Моисеев закон духовен, то какое же различие между им и законом Духа? Весьма большое. Закон Моисеев только дан Духом, а закон Духа и преподан Духа.

3. Как закон, ослабленный плотию, был бессилен, то Бог послал Сына Своего в подобии плоти греховной в жертву за грех и осудил грех во плоти.

Упомянув о Духе, теперь упоминает об Отце и Сыне, научая Троице. Говорит, казалось бы, против закона; но на самом деле нет. Ибо не сказал: злое закона, в котором он делал зло, но: **ослабленный плотию, был бессилен**. Как же **ослаблен**? Плотию, то есть мудрованием плотским. После этого открывается, о чем сказал апостол. Он, как мы и выше сказали, говорит, что хотя закон и поучал, однако не мог победить чрезмерно плотское мудрование. Поэтому Отец послал Сына Своего **в подобии плоти греховной**, то есть имеющего плоть, по существу подобную нашей греховной, но безгрешную. Так как упомянул о грехе, то и прибавил **в подобии**. Ибо Христос принял не иную плоть, но ту же самую, которую имеем мы, и ее освятил и увенчал, осудив грех в воспринятой плоти и показав, что плоть не греховная по естеству. Вообрази, что царский сын, увидев на рынке, что бьют женщину, называет себя ее сыном и таким образом освобождает ее из рук бьющих. То же самое сделал Христос. Выражение **в жертву за грех**, можно разуть и проще, – так: Отец послал Сына Своего **в жертву за грех**, то есть преодолев грех. Объясняя это, великий Иоанн Златоуст сказал: Христос обличил грех, тяжко согрешивший. Ибо доколе грех умерщвлял грешников, по всему праву наносил им смерть, то, как учинивший несправедливость, подвергая осуждению. Итак, Бог послал Сына Своего как для того, чтобы показать несправедливость и грешность греха, так и для того, чтобы законно осудить его, чтобы диавол не мог сказать: меня победил Христос силою.

4. Чтобы оправдание закона исполнилось в нас, живущих не по плоти, но по духу.

Чтобы не сказал кто-нибудь: есть ли польза для меня от того, что Христос одержал победу в той плоти, какую воспринял? говорит: для тебя именно и есть она. **Оправдание**,

говорит, то есть конец цель **закона** (ибо закон имел целью оправдать человека) исполняется в нас. Чего закон домогался и не мог сделать, то сделал для нас Христос. Его дело было вести борьбу, а мы воспользовались победою. Поэтому мы и не будем грешить, если не будем ходить по плоти, то есть мудрствовать плотское: чего, впрочем, то есть не мудрствовать плотское, недостаточно, а должно быть у нас, как и выше сказано, еще мудрование духовное. Поэтому присовокупил: **но по духу**. Ибо Давид говорит не только; **уклоняйся от зла, но и: и делай добро** (Пс. 33, 15). Ибо, услышав, что Христос даровал нам победу, мы отнюдь не должны падать, но должны сохранить благодать **бани водной** (Еф. 5, 26); потому что теперь борьба для нас легче, нежели как была она прежде.

5. Ибо живущие по плоти, о плотском помышляют, а живущие по духу – о духовном.

Предавшиеся, говорит, неумеренному рабству плоти всегда помышляют о плотском и никогда не размышляют о Божественном, а кто всецело покорился Духу, те и мыслят и делают все духовное.

6. Помышления плотские суть смерть, а помышления духовные – жизнь и мир.

Мудрованием плотским называет грубейшее помышление, заимствовать для него имя от худшей части человека. Ибо плоть сама по себе не имеет собственного мышления, но мудрование плоти есть помышление грубое и вещественное, которое иной может назвать умом, помышляющим о плотском. Так и мудрование духовное есть ум, помышляющий о духовном. Последнее рождает жизнь, в противоположность смерти, которую рождает мудрование плотское, а также мир, в противоположность тому, о чем далее говорится.

7. Потому что плотские помышления суть вражда против Бога; ибо закону Божию не покоряются, да и не могут.

Помышление духовное рождает мир, а помышление плотское вражду против Бога. Значит, помышление о плотском поднимает руки на Бога? Нет, говорит; но в нем говорится, что оно есть вражда против Бога, потому, что оно не покорно закону Его. Не смущайся, однако, слыша: **да и не могут**, а понимай слова эти как должно. Мудрование плотское не может покоряться Богу, пока останется таким. Это тоже значит, что сказать: блудница не может быть целомудренною. Ибо не в будущем времени сказал: «не сможет», но в настоящем, то есть теперь, оставаясь плотским. Иначе, как могли бы сделаться из злых добрыми сам Павел, разбойник и бесчисленное множество других порочных людей, если невозможна была перемена? Так и в Евангелии Господь сказал: **Не может дерево худое приносить плоды добрые** (Мф. 7, 18), пока то есть остается худым. Итак, не будем помышлять о плотском, но будем помышлять о духовном, чтобы иметь мир с Богом, дающим нам Духа, через которого легко для нас все, что было трудно для исполнения во времена закона.

8–9. Посему живущие по плоти Богу угодить не могут. Но вы не по плоти живете, а по духу, если только Дух Божий живет в вас. Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его.

То есть имеющие мудрование плотское не могут угодить Богу, пока остаются такими; ибо плотию назвал не сущность плоти, но жизнь грубую, плотскую и делающую всего человека плотским. Так и в Ветхом Завете сказано было: **Не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками, ибо они плоть** (Быт. 6, 3). Далее, **вы не по плоти живете**, то есть не плотской жизни служите, но духовной. Для чего же не сказал: вы не во грехах? Чтобы ты знал, что Христос не только угасил мучительство греха, но и плоть сделал легчайшею и

более духовною. Как железо, от продолжительного соприкосновения к нему огня, само делается огнем, так и плоть тех, которые получили Духа через крещение, вся делается духовною.

Если только Дух Божий живет в вас. Выражение *если только* употребляется здесь не для означения сомнения, но при полной уверенности, вместо: поскольку Дух Божий в вас, то вы в Духе.

Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его. Не сказал: если же вы не имеете Духа Христова, ибо такое выражение весьма неприятно, но говорит неопределенно: *если же кто Духа не имеет*, тот и не Христов. И справедливо. Ибо Дух есть печать. Поэтому кто не имеет печати, тот не принадлежит Господу, называемому этою печатью.

10. Если Христос в вас, то тело мертво для греха, но дух жив для праведности.

Опять утешает слушателей, когда говорит: *а ее – Христос в вас*. Некоторые под Христом разумели здесь Духа; но это не верно. Апостол дает разуметь, что имеющий Духа имеет в себе Самого Христа; ибо где одно из Лиц Святой Троицы, там и прочие Лица. Что же будет, если Христос будет в нас? Тогда тело бывает мертво в отношении к греху, и Дух Святой в вас есть жизнь, то есть не только сам живет, но и другим может доставить жизнь. Дух же есть жизнь *для праведности*, то есть потому что мы оправданы Богом и эта праведность или оправдание сохраняется в нас, а когда она сохраняется, то греха не будет, когда же нет греха, то нет и смерти, а остается, наконец, жизнь везде, и в настоящем веке, когда станет жить по Боге (ибо та жизнь называется в собственном смысле жизнью, когда мы мертвы для греха), и в будущем, где жизнь нескончаемая.

11. Если же Дух Того, Кто воскресил из мертвых Иисуса, живет в вас, то Воскресивший Христа из мертвых оживит и ваши смертные тела Духом Своим, живущим в вас.

Опять начинает речь о воскресении и говорит: не страшись, что ты обложен смертным телом. Ты имеешь Духа Божия, воскресившего Христа из мертвых. Как Он Его воскресил, так и тебя, несомненно, воскресит, даже оживотворит. Воскреснут и те, которые не имеют Духа, но они воскреснут в наказание, а имеющие Духа воскреснут в жизнь. Поэтому-то не сказал апостол – «воскресит тело», но – *оживит* живущим в тебе Духом. Не сказал – «жившим», но – *живущим*, остающимся до конца. Ибо, видя в тебе Духа Своего, Бог не восхочет не ввести тебя в брачный чертог, подобно как если не будешь иметь Духа, несомненно погибнешь, хотя и воскреснешь. Итак, умертви тело, чтобы жил в тебе Дух, а через Него дана была тебе жизнь.

12. Итак, братия, мы не должники плоти, чтобы жить по плоти.

Показав, какую пользу поставляет духовная жизнь, то есть что ею вселяется в нас Христос и оживотворяются мертвенные тела, присовокупляет, наконец, увещание и показывает, что мы не должники плоти, но именно Духу. Ибо что излил на нас Бог, то было делом благодати, а что наше, то бывает по долгу и требуется неизбежно. Объясняя же выражение *не по плоти*, чтобы ты не понял его о существе плоти, присовокупил: *чтобы жить по плоти*. Я говорит, запрещаю не всякое попечение о плоти (ибо многие обязаны мы делать и для плоти, питать ее, греть), но такое, которое доводит до греха. Ибо по плоти живет тот, кто делает плоть госпожою жизни своей и царицею души.

13. Ибо если живете по плоти, то умрете, а если духом умерщвляете дела плотские, то живы будете.

Смертию называет здесь не одну бессмертную казнь в геенне, но именует смертью и жизнь, проводимую на земле в злых делах. Напротив, если духовною жизнью умертвим

худые дела плоти, то будем жить и тогда жизнью нескончаемою, и теперь – жизнью добродетельною. Ибо кто мертв для мира, тот живет. Заметь же, что не сказал – «тело умерщвляет» (ибо это человекоубийство), но – **дела плотские**, очевидно, порочные. Ибо подобно умерщвлять не просто зрение или слух (ибо видеть или слышать есть естественное плотское дело), но употребление их во зло.

14. Ибо все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божий.

Выше дал такое обещание: будете живы, если умерщвляете порочные дела. Теперь предлагает важнейший венец и большую мзду, именно усыновление Богом. Не сказал: все, которые живут Духом, но все, которые водятся Духом, то есть управляются как возницею каким, делая Духа господином над душою и плотью. Хотя ты и принял крещение и стал через крещение сыном Божиим, но если не будешь водиться Духом, то утратишь дар. Ибо хотя все мы получили Духа в бане воздержания, но водиться Им во всю жизнь требуется от нас, как наше дело. Поэтому не сказал: которые получили Духа, те суть сыны Божий, но говорит: которые Духом Божиим водимы.

15. Потому что вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе, но при Духа усыновления, Которым взываем: «Авва, Отче!»

Апостол сказал, что водимые Духом Божиим суть сыны Божий; но так как усыновление Божие усвоили себе и иудеи: **Я воспитал и возвысил сыновей** (Ис. 1, 2), еще: **Израиль есть сын Мой, первенец Мой** (Исх. 4, 22), то показывает, какая находится разность между нашим сыновством и сыновством иудеев. Иудеи, говорит, приняли дух рабства; так называет письмо закона: ибо хотя оно дано было Духом, но более прилично рабам. Отсюда-то и наказания телесные вслед за делами, и побиения камнями, и сожжения, и угрозы: **меч**, говорит, **пожрет вас** (Ис. 1, 20). Отсюда же, опять, и награды земные, и обетования благ земных, и множество маловажных и приличных рабам заповедей. Поэтому хотя иудеи и назывались сынами, но были рабами. А мы называемся сынами, как благородные и свободные. У нас и награды небесные, и Царство Небесное; и наказание у нас состоит не в побиении камнями и прочем, чему подвергали иудеев священники: у нас достаточно только отлучить виновного от таинственной трапезы, как и сына. И заповеди у нас Божественные и приличные благородным. Например: не смотри на женщину нечистым оком, не божись, оставь свое имение; а исполняются они не из боязни наказания, но по внутреннему расположению, что и доказывает тем, что у нас многие преуспевают сверх предписанного во многих заповедях. При том, у иудеев не было Духа, а у нас – обильная благодать Его.

Которым взывали: «Авва Отче!» Употребил слово еврейское; ибо так собственно называют Отца подлинными сыновьями Его. Как так, спросишь? Разве не называли Бога Отцом и иудеи? Говорится: **Заступника, родившего тебя, ты забыл** (Втор. 32, 18). В другом месте: **не один ли Бог сотворил нас** (Мал. 2, 10). Еще: **не один ли у всех нас Отец** (Мал. 2, 10). Но хотя сказано об иудеях, однако не нашлось ни одного иудея, который называл бы Бога Отцом в молитве, как теперь все мы называем Его по крещении. Притом, если иудеи называли когда Бога Отцом, то от своего ума; а верующие именуют Его так, будучи движимы силою Духа. Как о духе пророчества узнаем из того, что получивший его предсказывает будущее: так и дух сыноположения узнается из того, что получивший его именует Бога Отцом, будучи движим к тому Духом. Ибо и это есть один из даров Духа, как внушает и сам Павел.

16. Сей самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы – дети Божий.

Сам Утешитель свидетельствует о сообщенном нам даровании. Ибо мы выговариваем слово «Авва» не без свидетеля и не сами от себя, но это есть дар Утешителя; и Он научил нас говорить так в молитвах Духом, то есть дарованием.

17. *А если дети, то и наследники, наследники Божий, сонаследники же Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться.*

Так как не все дети – наследники, то доказывает, что мы и дети и наследники. А как не всякий наследник наследует лучшее достояние, то доказывает, что мы наследовали лучшее достояние: ибо мы наследники Божий. Опять, поскольку можно быть и наследником, но вовсе не сонаследником Единородного, то говорит, что нам и это принадлежит: ибо мы сонаследники Христу.

Если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться. Сказав, что мы будем сонаследниками Христу, доказывает, что мы достигнем этого не без причины. Ибо Кто почтил такими благами не оказавших еще никаких заслуг, Тот не тем ли паче вознаградит их, видя их много труждающимися? А это делает Он для того, чтобы получающие дар не стыдились, будто они получают его без труда. Размысли, однако, о том, что здесь внушает, как нужно удостоившемуся таких даров подвергать себя страданиям и бедствиям.

18. *Ибо думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас.*

Сказав о страданиях, апостол, чтобы слушатель его не поколебался, как выведенный на страдания и влекомый на бедствия, говорит: не бойся. Страдания ***нынешние временные***, то есть привременные и преходящие, ничего не стоят в сравнении с будущей славой. Не сказал «с будущим покоем», но – ***славой***, которая для многих вожделенна. Где покой, там не всегда слава, а где слава, там и покой. Словом ***откроется*** показал, что слава и теперь есть, но скрыта, а тогда она явится, то есть совершенно откроется. Так как она величайшая и неизреченно превосходит настоящий век, то и уготована тем, как простирающаяся в нескончаемые веки. Поэтому, слушатель, имея в виду, что страдания – ***временные***, то есть привременны, а слава будущего века нескончаема, презирай страдания и приобретай славу.

19. *Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих.*

Желая показать, какую получим мы славу, говорит, что и самая тварь переменится к лучшему, то тем паче мы придем в лучшее состояние. Сказанное имеет такой смысл. Пророки поступают так: у них реки рукоплещут, холмы скачут, животные и чувственные предметы имеют лица. Так делает и апостол, когда говорит, что тварь имеет ***надежду***, то есть большое ожидание, что и она переменится к лучшему, и ожидает откровения славы нас, сынов Божиих. Тогда и она прославлена будет нетлением, когда и мы улучим бессмертие. Поэтому, когда слышишь речь о твари, как об одушевленной, полагай, что так говорится по обычаю олицетворения.

20–21. *Потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих.*

Суете, то есть тлению, ***тварь покорилась***, то есть сделалась тленною через тебя, человек. Поскольку ты получил тело смертное и подверженное страданиям, то и земля произрастила терния волчцы, и небо состарившееся имеет нужду в перемене. Каким же образом тварь сделалась тленною через другого? Потому что она и создана была всецело для человека. Выражение: ***не добровольно*** означает, что все было попечением Божиим, а не могло состоять в воле твари... Слова: ***в надежде*** и прочие, подобные им, почитай сказанным по обычаю олицетворения. Итак, и сама тварь ***освобождена будет***; не ты один, но и гораздо низшее тебя, не имеющее ни души, ни чувства, и это, говорю, будет участвовать с тобою в благах и не будет уже тленным, но сделается соответственным тебе. Когда тело твоё стало

тленным, то и тварь сделалась тленною. Так точно, когда тело твое сделается нетленным, то и тварь станет нетленною. Итак, если тварь подверглась страданию для тебя, то и ты должен терпеть страдание для Бога; и если она надеется быть прославленной, то тем более ты надейся быть прославленным. И отец одевает слуг в хорошее платье для чести сыновей. Так и Бог уберег тварь в честь нашу.

22–23. Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится донныне; и не только она, но и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего.

Этимися словами побуждает слушателя презирать настоящее. Говорит как бы так: не будь хуже твари и не прилепляйся к настоящему; напротив, даже воздыхай, что не обладаешь еще будущою славою. Если тварь воздыхает, то тем более ты должен поступать так. Присовокупляет же, что **и мы сами, имея начаток Духа**, то есть вкусив будущих благ, «воздыхаем», потому что не обладаем еще ими, ибо о будущих благах мы составляем понятие по тем дарованиям, которые получили (ибо эти дарования суть начаток). Потом, чтобы еретики не имели повода думать, будто мир есть зло и будто поэтому мы воздыхаем, говорит: **ожидая усыновления**. Как так? Мы уже усыновлены: какое же еще другое усыновление получим? Я, отвечает, говорю не о том усыновлении, которое совершается через крещение (ибо это усыновление мы уже получили), но в совершенной славе, состоящей в нетлении тела. Она-то и есть совершенное искупление, свобода и освобождение от смерти и страданий, когда из состояния усыновления мы не возвратимся уже в рабство греховное.

24–25. Ибо мы спасены в надежде. Надежда же, когда видит, не есть надежда: ибо если кто видит, то чего ему и надеяться? Но когда надеемся того, чего не видим, тогда ожидаем в терпении.

Поскольку говорил о будущих предметах, которым многие не верили, то внушает: не сомневайся ты, верующий, относительно того, что я говорю: на основании того, что ты уже получил, будь уверен и относительно будущего. Как прежде, когда Бог даровал тебе великие блага, ты ничего не принес, кроме одной веры, так и теперь в надежде на будущие блага воспользуйся верою же. Ибо надежда тогда именно и бывает надеждою, когда предмет ее составляет невидимое; ибо если кто видит, то чего ему и надеяться? Итак, не должно искать всего здесь: мы **ожидаем в терпении** будущего. Когда слышишь о терпении, то подразумевай мысль о подвигах и усиленных трудах. Ибо христианин должен терпеть, ожидая невидимого, но чаемого верою.

26. Также и Дух подкрепляет нас в немощах наших; ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными.

Упомянув о терпении, ободряет слушателя и говорит, что и Дух подкрепляет нас. Поэтому не изнемогай в надежде и терпении: ты приносишь только надежду и терпение, а помогает тебе Дух.

Ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно. Показывает, как помогает Дух в немощах наших. Мы так немощны, что даже не знаем, о чем должно молиться. Все мы вообще так немощны; так немощен и я, Павел. Ибо и Павел молился об избавлении **от жала в плоть** (2 Кор. 12, 8) и о том, чтобы прийти ему в Рим (см. Рим. 1, 10), и Моисей молился, чтобы видеть ему Палестину (см. Втор. 3, 23–25), и Иеремия молился об иудеях (см. Иер. 11, 14), не зная, что было необходимо. Так говорит теперь Павел потому, что тогда верующие римляне, подвергаясь гонениям и оскорблениям, естественно желали покоя и, не получая его, впадали в уныние. Итак, он доказывает, что никто из людей не знает, чего полезно просить.

Поэтому вы, говорит, должны терпеть, а что полезно вам, об этом знает один Дух. Поэтому присовокупляет:

Но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными. В древности Бог сообщал крестившимся многие и различные дарования, которые вообще назывались духом. Один имел дар пророчества, другой дар мудрости, иной – другое какое-нибудь дарование. Так точно подавал Бог и дар молитвы, который также назывался духом. Поскольку, не зная многого, полезного для нас, мы просим бесполезного, то в первенствующие времена дар молитвы нисходил на кого-нибудь одного, который один становился просить и других научал просить полезного для всех. Итак, духом называет здесь дар этого рода и душу, получающую дар молитвы, ходатайствующую пред Богом и воздыхающую. Ибо такой духовный человек стоял с великим сокрушением и с сильными воздыханиями. Теперь знамение этого видим в диаконе, который стоя приносит прилежные моления вместо народа.

27. Испытующий же сердца знает, какая мысль у Духа, потому что Он ходатайствует за святых по воле Божией.

Человек тот, говорит, стоит и молится не потому, будто Богу неизвестны наши нужды. Испытующий сердца знает, **какая мысль у Духа**, то есть у духовного человека. Он просит вместо верующих, находящихся в Церкви, ибо они святые, именно угодного Богу. А это бывает для того, чтобы мы научились просить **по воле Божией**, то есть угодного Богу. Итак, если о нас ходатайствует Дух, то не печалься, оскорбляемый.

28. Притом знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу.

Сказанное прежде, именно: **тварь покорилась суете** (ст. 20), также: **освобождена будет от рабства тлению** (ст. 21), и еще: **мы не знаем, о чем молиться** (ст. 26), все это, как заметили мы, служило для преследуемых в Риме ободрением. Но теперь присовокупляемое яснее всего. Любящим Бога, говорит, все даже кажущееся неприятным и прискорбным, содействует ко благу. Не сказал, что любящим Бога не приключаются никакие беды, но что хотя и приключаются, однако Бог употребляет бедствия к пользе подвергающихся им. Потом, так как это казалось невероятным, подтверждает это прошедшим, говоря: **призванным по Его изволению**. Бог, говорит, призвал тебя, когда ты был вдали, и усвоил тебя Себе: не тем ли паче поможет Он призванному? А званым становится человек **по изволению**, то есть по собственному его произволению. Ибо одного звания недостаточно (потому что в таком случае все спаслись бы, потому что все призваны), а нужно еще произволение.

29–30. Ибо кого он предузнал, тем и предопределил быть подобными образу Сына Своего, дабы Он был первородным между многими братьями. А кого Он предопределил, тех и призвал, а кого призвал, тех и оправдал, а кого оправдал, тех и прославил. Бог наперед знает достойных звания, потом предопределяет. Итак, сначала предведение, потом предопределение. Под предопределением же понимай неизменную благую волю Бога. Так Он наперед знал, что Павел достоин евангельского звания, и таким образом предопределил, то есть неизменно определил, и потому положил призвать его. О ком Он наперед знает, что достойны звания, тех делает подобными образу Сына Своего. Чем был Единородный по естеству, тем они стали по благодати, сделавшись и сами сынами Божиими. А первородный Он между многими братьями по домостроительству, ибо по Божеству Он есть Единородный. Он, восприяв плоть, соединил ее всю и всецело со всем естеством Своим, стал начатком нашим, освятив в Себе осужденное наше естество, и потому достойно есть первородный, а мы именуемся братьями Его.

А кого призвал, тех и оправдал... освободив от грехов и соделав праведными через баню возрождения.

А кого оправдал, тех и прославил... удостоив их усыновления и дав им прочие дары.

31. Что же сказать на это? Если Бог за нас, кто против нас?

Видишь ли, что здесь весьма ясно показывает, что говорит к бедствующим? Речь его почти такая: если мы удостоены таких благ в то время, когда были врагами, то во сколько больших удостоимся после оправдания и прославления своего? И если Бог за нас, кто против нас? Хотя бы восстала против нас вся вселенная, восстание это премудрость Божия обратит в наше спасение и славу.

32. Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего?

Оставляю, рассуждает, прочее, о чем упоминал я прежде, то есть что Бог оправдал, что Он прославил нас. Представь себе, что Он не пощадил **Сына Своего**, то есть Единородного, возлюбленного, Который из существа Его (ибо есть сыны Божий, усыновленные через крещение), но предал Его за нас, предал за всех, то есть благородных, неблагородных, славных, ничтожных, предал не просто, но на убиение. Как теперь не дарует Он нам всего? Кто дал Владыку, Тот не дал ли прочих даров? Итак, если Он не дает чего-нибудь, из этого уже не еледует, что не дает вовсе. Поэтому не слишком желай освобождения, огорчаемый за Христа, ибо получишь желаемое, когда Он даст.

33. Кто будет обвинять избранных Божиих?

Так как верующие встречали от иудеев, в числе других искушений, и тот укор, что они легко изменялись и мгновенно обращались в христианство, то говорит: вас избрал Бог; кто же будет обвинять избрание Божие? Если выберет что-нибудь художник-человек, то никто не будет порочить его. Кто же будет порочить выбор Божий?

33–34. Бог оправдывает их. Кто осуждает? Христос Иисус умер, но и воскрес: Он и одесную Бога, Он и ходатайствует за нас.

Не сказал – «Бог отпускает грехи», но, что гораздо важнее, – **Бог оправдывает**. Итак, не будем бояться ни искушающихся, ни поносящих. Нас избрал и оправдал Бог и умерший за нас, даже и воскресший, Христос. Кто же осудит нас, удостоенных такой славы?

Он и одесную Бога, Он и ходатайствует за нас. Сказал: *ходатайствует за нас*, чтобы показать любовь Христа к нам, то есть что хотя Христос и исполнил домостроительство по плоти, однако не прекратил человеколюбивого отношения к нам, но предстательствует за нас. Это значит *ходатайствует*. Такое выражение отнюдь не умаляет славу Единородного. Прежде сказал: **Он и одесную Бога** (это знак величества его), почему и присовокупил: *ходатайствует*, показывая этим не другое что-нибудь, но как сказано, любовь к нам. И об Отце сказано: **как бы Сам Бог увещевает через нас** (2 Кор. 5, 20). Неужели слава Бога умаляется оттого, что Он молит? Напротив, это служит знаком неизреченного попечения Его о нас. Некоторые понимали слова *ходатайствует о нас* так: поскольку Он носил тело и не сложил его, как пустословят манихеи, то это самое и есть предстательство и заступление ко Отцу: ибо, взирая на это, Отец вспоминает о любви к людям, по которой Сын Его понес тело, и таким образом склоняется к милосердию и милости. Так говорит Павел потому, как неоднократно замечал я, чтобы воодушевить бедствующих и показать им, что и Дух ходатайствует за нас, и Отец не пощадил для нас Собственного Сына, но оправдал и прославил нас, и Сын предстательствует за нас. Поэтому вы не должны ни унывать, ни упадать духом.

35. Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?

Показав неизреченную любовь к нам Отца и Сына и Святого Духа, как бы по Божественному воодушевлению восклицает: ***Кто отлучит нас от любви Божией?*** Кто так любим и сподобился такого промысления, того ничто ни может отлучить от этой любви. Именем же скорби и тесноты обнял все, что только может причинить бедствия, хотя и не перечислил их поодиночке.

35–36. Как написано: «за Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обреченных на заклание».

Чтобы не почли скорбей и тесноты прекращением любви Божией, приводит слова пророка, предвещавшего о них и показавшего, что терпение или умерщвление всякий день для славы Божией составляет величайшее утешение: каковое терпение или утешение бывает по произволению, потому что для природы оно невозможно. А умерщвляться – значит быть приносиму в жертву Богу. На это именно указывает, когда говорит: ***за овец, обреченных на заклание*** (Пс. 43, 23). Как овцы не противятся, когда их закаляют, так и мы.

37. Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас.

Сказав прежде, что нас умерщвляют, апостол, чтобы не ослабел кто, помышляя о человеческом, предлагает ободрение, и не говорит – «побеждаем», но – ***преодолеваем***, то есть со всею легкостью, без трудов и пота, и притом тем, посредством чего строят нам козни. В том-то и состоит совершеннейшая победа, чтобы одерживать верх в то время, когда нас гонят и преследуют. Итак, не теряй веры, потому что нам способствует Бог и не только способствует Он, но и возлюбил нас. Поэтому ничего нет удивительного в том, что мы легко одерживаем верх во время самых нападений.

38–39. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией, во Христе Иисусе, Господе нашем.

Прежде сказал, что Бог возлюбил нас, а потом говорит о своей любви к Богу, чтобы никто не подумал, что он сам превозносит себя. Мы, рассуждает, так прикованы к любви к Богу, что нас не могут отторгнуть от нее не только бедствия, неразлучные с настоящею жизнью, но если бы тиран какой стал угрожать будущей смертью, состоящей в казни, или пообещал нескончаемую жизнь, чтобы таким образом отвлечь нас от Бога, он нимало не успел бы в том. И что говоришь ты мне о царях и тиранах? Нас не могут отвратить от любви той ни ангелы, ни все горние силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, то есть находящееся в тебе, ни глубина, то есть находящееся в земле, ни слава, ни бесславие. Под высоту некоторые разумеют Царство Небесное, а под глубиною – потерю его. Даже если бы была другая какая тварь, как видимая, так и постигаемая умом, и та не отвлекала бы меня от любви той. Так выразился не потому, будто ангелы отвлекают людей от Христа, но в виде предположения и вследствие сильного желания показать высшую степень любви к Богу, не той, которою хвастаются евреи, но той, которую имеют христиане; ибо хотя и иудеи говорят, что они любят Бога, но любят Его не о Христе Иисусе, потому что не веруют во Христа.

Глава девятая

1–2. Истину говорю во Христе, не лгу, свидетельствует мне совесть моя в Духе Святом, что великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему.

В последующей речи намерен доказать, что не все, происшедшие от Авраама, суть семя его, а чтобы кто не подумал, что говорит это в сильном возмущении духа, предваряет и, устраняя такое предложение, говорит о евреях благоприятное им, высказывает, что весьма любит их. Чтобы ты поверил мне, говорит, истину говорю о Христе, не лгу. В доказательство этого приводит трех свидетелей: Христа, собственную совесть и Святого Духа, говоря: великая у меня печаль, снедающая сердце мое при имени евреев, что они находятся вне благодати, о чем и намерен он говорить.

3. Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти.

Сперва узнай, что такое отлучение. Оно – отделение, отчуждение. Как никто не смеет касаться дара, посвященного Богу, так и отлученного, только по другому чувству. К священному дару никто не осмеливается приблизиться из уважения, как посвященному Богу, а с отлученным все прерывают связи, как с оскверненным и отчужденным от Бога. Что же значит сказываемое Павлом? Кажется, что он говорит здесь противное тому, о чем была речь выше. Там он сказал, что никто не отлучит нас от любви Божией, а здесь говорит, что он желал бы быть отлученным от Христа. Кажется, что он противоречит сказанному прежде; но на самом деле нет. И здесь высказывает он желание быть отлученным от Христа по любви к Богу. Все обвиняли Бога, что Он изгнал и лишил чести евреев, удостоенных усыновления, пользовавшихся особенною славою и называвшихся предками Христа, и вместо них ввел людей, никогда не знавших Бога, язычников, и высказывали ропот и хулу на Промысл, как будто это делалось несправедливо и Бог обманывал праотцев, которым обещал дары. Поэтому-то Павел терзался, скорбел о славе Божией и желал сам быть отлученным, только бы спаслись иудеи и прекратилась их хула на Бога. Видишь ли, что он по пламенной любви к Богу желает, если возможно, быть отлученным от сонма вечно живущих со Христом, – не от любви Его, но от славы Его и наслаждения ею? Так и отцы часто отделяются от сыновей, чтобы сыновья прославились, отнюдь не отчуждаясь от любви сыновней, но желая сами быть в бесславии, чтобы они сделались славными. Итак, рассуждает апостол, я, совершивший несчетное множество подвигов, любящий Бога безмерно, желаю, для славы Божией, лишиться славы Христовой. А это не значит лишиться, но скорее приобрести. Словами: **за братьев моих, родных мне по плоти**, указывает на самую нежную и пламенную любовь свою к иудеям.

4–5. То есть Израильтян, которым принадлежат усыновление, и слава, и заветы, и законоположение, и богослужение и обетования; их и отцы, и от них Христос по плоти, Суций над всем Бог, благословенный во веки, аминь.

Здесь хвалит и превозносит иудеев, чтобы кто, как я сказал, не подумал, будто говорит в сильном возмущении духа. Незаметно же высказывает, что Бог желал и им спастись. Это видно из того, что Он удостоил их усыновления и славы, дал обетования отцам их, снабдил их всеми прочими преимуществами и соизволил, чтобы от них родился Христос. Но они сами отвергли благоденствие. Поэтому, изумляясь любви Божией, воссылает благодарение Единородному и говорит: **Суций над всем Бог, благословенный во веки**. Хотя другие, рассуждает, хулят, что принятие язычников было не основательно, но мы, зная тайны Хри-

стовы, знаем, что Он достоин прославления. При этом должен посрамиться Арий, потому что Павел называет Христа Богом над всем.

6. Но не то, чтобы слово Божие не сбылось...

Я, говорит, распаляюсь оттого, что хулят Бога, и потому высказал желание, чтобы все спаслись. Но если не все спасутся, то отсюда не следует, будто Бог солгал в обетованиях, данных отцам, и не сбылось слово Его. Он исполнил обещанное, хотя хулители и говорят, что Он одним обещал, а другим дал. Слушай дальнейшее.

6–7. Ибо не все те Израильтяне, которые от Израиля; и не все дети Авраама, которые от семени его...

Бог, говорит, исполнил обещанное. Он сказал: *тебе дам и потомству твоему* (Быт. 13, 15). Итак, посмотрим, какое это семя. Не все, происшедшее от Авраама, суть просто потомство его, и не все, происшедшее от Израиля, суть израильтяне, но родившиеся по примеру Исаака и знаменитые добродетелью Израиля, через которую Он видел Бога. Ибо не сказал «которые от Иакова», но *от Израиля*, упомянув о почетнейшем имени. Итак, если уразумеешь, кто рождается по примеру Исаака, то найдешь, что обетование не ложно: ибо таковым даны обетования. Поэтому Бог отнюдь не заслуживает хулы: что Он сказал, то и исполнил, хотя некоторые и не понимают этого.

7–9. Но сказано: «в Исааке наречется тебе семя». То есть не плотские дети суть дети Божий, но дети обетования признаются за семя. А слово обетования таково: «в это же время приду, и у Сарры будет сын».

Не я, говорит, объясняю тебе, что такое истинно семя Авраама, но Ветхий Завет, который говорит: *в Исааке наречется тебе семя* (Быт. 21, 12). Поэтому кто родился по примеру Исаака, то есть по обетованию, те поистине суть дети Авраама, а наипаче Божий. Ибо все совершалось словом Божиим. И Исаак родился не по закону и силе природы, но по силе обетования. *В это же время приду, и у Сарры будет сын* (Быт. 18, 10). Итак, Исаак образован и рожден словом Божиим. Так и над нами, чадами Божиими, в купели водной, как бы во утробе, произносятся слова Божий, которые и образуют нас; потому что мы, крещаясь во имя Отца и Сына и Святого Духа, рождаемся. И как там Бог обещал рождение Исаака и потом исполнил, так и наше рождение обещал Он через пророков и потом привел его в исполнение. Поэтому слова *в Исааке наречется тебе семя* надобно понимать так: семя Авраама суть те, которые родились по примеру Исаакова рождения, то есть словом Божиим. Следовательно, слово Божие не сбылось, но Бог даровал обетованное истинному семени, то есть верующим из язычников, сделавшихся чадами Божиими как и Исаак, потому что и они от обетования. Если же иудеи скажут, что слова *в Исааке наречется тебе семя* означают то, что родившиеся от Исаака причитаются в семя Авраама, то надобно почитать и идумеев и всех происшедших от него, потому что праотец их Исав был сын Исаака. Но идумеи не только не называются сыновьями Авраама, но даже весьма чужды израильтянам и называются иноплеменниками.

10. И не одно это; но так было и с Ревеккою, когда она зачала в одно время двух сыновей от Исаака, отца нашего.

Доказал уже, что хотя у Авраама было много и разных сыновей, однако семенем его назван Исаак и те, которые рождаются подобно ему. Теперь говорит: это можешь видеть не на Исааке только, но, что важнее, на братьях, родившихся от одного отца и от одной матери, и притом близнецах, то есть на Исаве и Иакове. И они получили не одинаковые права, но

один избран, а другой возненавиден. Поэтому не спрашивай, почему Бог избрал язычников и сделал их семенем Авраама, паче же – Божиим, а евреев отверг.

11–13. Ибо, когда они еще не родились и не сделали ничего доброго или худого (дабы изволение Божие в избрании происходило не от дел, но от Призывающего), сказано было ей: «больший будет в порабощении у меньшего», как и написано: «Иакова Я возлюбил, а Исава возненавидел».

Здесь необходимо нам наперед высказать смысл того, о чем намерен говорить апостол пространно. Многие говорили: почему язычники предпочтены иудеям? (ибо никто не мог сказать – за добродетель; потому что все согрешили). Апостол собирает много затруднений, не постижимых для нас, но постижимых для одного Бога. Сначала представляет, что между двумя братьями-близнецами избранный избран не за добродетель, возненавиденный возненавиден не за порочность (ибо они не сделали ни добра, ни зла, потому что находились еще в утробе матери); но по избранию, по предведению Божию один избран и возлюблен, а другой возненавиден, как и пророк говорит: **Я возлюбил Иакова, а Исава возненавидел** (Мал. 1,2), чтобы все было делом Бога и Его избрания и предведения. Но что я говорю об этих лицах? Все израильтяне слили тельца; но одни наказаны, а другие нет. И фараон поистине был жесток; но и другие многие также были жестоки: почему же наказание постигает его одного? Видишь ли, что это непостижимо для людей, но постижимо для одного Бога. Так и избрание язычников и отвержение иудеев представляется нам неосновательным, а в очах Божиих то и другое весьма справедливо. Таков смысл всего настоящего места.

14. Что же скажем? Неужели неправда у Бога? Никак!

Следовательно, Бог справедлив и по отношению к нам, язычникам, и по отношению к иудеям.

15. Ибо Он говорил Моисею: «кого миловать, помилую; кого жалеть, пожалею».

Присовокупляет, как и выше сказано, и другое изречение из Ветхого Завета (Исх. 33, 19), доказывая, что один Бог знает, кто достоин чести и кто наказания. Хотя все одинаково согрешили, когда слили тельца, однако Бог одних помиловал, а других предал левитам на убийство. И Моисей, великий пред Богом, не знал причины этого, а ты доводишься причины, почему язычники предпочтены иудеям, хотя были грешниками? Впрочем, Павел мог высказать причину эту, как и высказал в другом месте, что израильтяне думали, что они оправдываются делами, а язычники полагали, что они оправдываются верою и благодатью; однако не высказывает ее теперь, с избытком заграждая уста любопытных и убеждая не испытывать судеб Божиих.

16. Итак помилование зависит не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего.

Исаак хотел благословить Исава; но Иаков поспешил на поле, чтобы, наловив дичи, получить от отца благословение, а Бог по праведному суду сделал, что Иаков, как совершенно достойный, получил благословение. Здесь апостол, казалось бы, уничтожает свободную волю; но на самом деле нет. О доме говорим, что он весь есть дело мастера; хотя мастеру нужны и вещество, и помощники в постройке, однако, поскольку она зависит от него, говорим, что он построил весь дом. Так и о Боге говорим, что все – Его дело, хотя Бог имеет нужду и в нашем произволении. Он совершает, Он и венцы дает, Он и осуждает; поэтому и говорим, что все дело Бога.

17. Ибо Писание говорит фараону: «для того самого Я и поставил тебя, чтобы показать над тобою силу Мою и чтобы проповедано было имя Мое по всей земле».

Как из сливших тельца, рассуждает, одни спасены и другие наказаны, когда один Бог знал, кто достоин спасения и кто наказания: так хотя много было и других порочных, однако гневу Божию подвергся один фараон. Для того самого, говорит, Я и *поставил тебя*, то есть выставил тебя, фараон, на вид, чтобы через тебя сделалась известною сила моя и многие обуздали себя, слыша об имени моем, как правосудном и мощном, по всей земле (см. Исх. 9, 16).

18. Итак, кого хочет, милует, а кого хочет, ожесточает.

Выводит заключение и доказывает, что у Бога не должно требовать отчета. Бог, кого хочет, милует, как поступил с израильянами, слившими тельца, а кого хочет, ожесточает, как случилось с фараоном. Что же значит *ожесточает*? Кажется, что это нелепо. Но о Боге говорится, что Он сделал жестоким грязное сердце фараона подобно тому, как солнце делает жестокою грязь. Каким же образом? Долготерпением; ибо Он делал его жестоким, являя к нему долготерпение. Здесь случилось подобное тому, что бывает, когда кто, имея у себя порочного слугу, обращается с ним человеколюбиво. Чем человеколюбивее обращается таковой с ним, тем худшим делает его, не потому, будто сам научает его пороку, но потому, что слуга пользуется долготерпением его к увеличению своей порочности, потому что пренебрегает долготерпением тем.

19. Ты скажешь мне: «за что же еще обвиняет? Ибо кто противостанет воле Его?»

Апостол, как я неоднократно сказал, всячески старается доказать, что распоряжения и суды Божий известны одному Богу, и потому везде собирает множество затруднений и не предлагает решений, чтобы, поставив слушателя в затруднительное положение, убедить его, что распоряжения и суды Божий непостижимы для человека и превышают его разум. Смысл настоящего места следующий. Апостол представляет возражение и недоумение. Если Бог ожесточает, кого хочет, то за что же еще обвиняет Он грешника? Ибо кто может противостать воле Его? Захотел Он, и ожесточил, а ожесточенный согрешил по справедливости: как же Ему обвинять и наказывать его? Такое именно представил апостол возражение, чтобы показать, что недоумение об этом может разрешить один Бог; почему и не решает его сам, но заграждает уста недоумевающему, говоря:

20. А ты кто, человек, что споришь с Богом? Изделие скажет ли сделавшему его: «зачем ты меня так сделал?»

Видишь ли, как останавливает безвременное любопытство, налагает узду и научает знать различие между Богом и человеком? *А ты кто?* Разве ты участвуешь с Богом в правлении? Разве ты судья того, что Он должен делать или не делать? Говорить, что это следует сделать так, а это иначе, значит препираться с Богом и действовать наперекор Ему. Но этого отнюдь не должно делать, а должно с покорностью принимать сделанное Богом, как бы оно ни было сделано.

21. Не властен ли горшечник над глиною, чтобы из той же смеси сделать один сосуд для почетного употребления, а другой для низкого?

Пример этот употребил Павел не для того, чтобы уничтожить свободное произволение наше и представить нас недеятельными и неподвижными, но для того, чтобы научить нас, как должно покоряться Богу и оказывать Ему глубокое и безмолвное повиновение. Как горшечник, рассуждает, из одной и той же глыбы делает, что ему угодно, и ни один из сосудов не противоречит ему: так и ты не спрашивай у Бога, почему Он людей, хотя они одного и того

же рода, одних наказывает, а других награждает; напротив, благоговея пред Ним и подражая глине. Как та покорна руке горшечника, так и ты покорствуй определению Распорядителя вселенной. Знай же, читатель, что как в сосудах не от глыбы зависит, что иное выходит на почетное, а иное на низкое употребление (ибо глыба одна и та же), но от употребления пользующихся изделием: так и в людях не от природы зависит, что одни достойны наказания, а другие наград (ибо природа одна и та же), но от произволения.

22–24. Что же если Бог, желая показать гнев, и явить могущество Свое, с великим долготерпением щадил сосуды гнева, готовые к погибели, дабы вместе явить богатство славы Своей над сосудами милосердия, которые Он приготовил к славе, над нами, которых он призвал не только из Иудеев, но и из язычников?

Заградив уста любопытному, дает теперь решение. Смысл сказанного такой. Фараон был сосудом гнева, то есть человеком, который своим жестокосердием воспламеняет гнев Божий. Его **Вот щадил**, то есть сносил, терпел; ибо сподобил его великого долготерпения. Но он воспользовался этим долготерпением к ожесточению и сделался сосудом, способным принять гнев, совершенным к погибели, то есть приготовленным к ней от самого себя и по собственной своей воле, потому что не опустил ничего, служившего к его погибели, но сделал все, что влекло его к погибели. Иначе: **щадил**, то есть выставил на вид, чтобы, так как он не сделался лучшим от долготерпения, наказать его и показать собственное могущество, чтобы от этого другие сделались лучшими. Как наказав его, сделавшегося сосудом гнева по собственному произволению, Бог показал свое могущество, так, помиловав много согрешивших, но сделавшихся достойными милости, язычников, явил **богатство славы Своей**. Не сказал – «человеколюбия», но – **славы**, ибо совершенная слава Божия состоит в том, чтобы миловать. Далее, **которые Он приготовил**, то есть предвидел. И не сказал – «спас всех язычников», но – **из язычников**, то есть некоторых. Поэтому не соблазняйся, иудей. Вот и из язычников одни милуются, а другие нет.

25–26. Как и у Осии говорит: «не Мой народ назову Моим народом, и не возлюбленную – возлюбленною». «И на том месте, где сказано им: вы не Мой народ, там названы будут сынами Бога живаго».

Иудеи могли сказать: ты, Павел, обманываешь нас, говоря это. Поэтому приводит Осию, который взывает и говорит: **не Мой народ назову Моим народом** (Ос. 2, 23). Кто же это был не Его народ? Язычники. А кто **не возлюбленная!** Церковь языческая. Однако язычники стали народом и возлюбленными, даже, что важнее, **сынами Бога живаго**. Если кто скажет, что это сказано об иудеях, ведших себя неблагодарно, но потом принятых в благодать, то такая речь не вредит нашему объяснению. Ибо если принятие это произошло с ними, то что воспрепятствовало произойти ему с язычниками?

27. Л Исайя же провозглашает об Израиле: «хотя бы сыны Израилевы были числом, как песок морской, только остаток спасется».

Не удовольствовался указанием на Осию, но приводит во свидетели и Исайю (см. Ис. 10, 22), который **провозглашает**, то есть смело и безбоязненно, что спасутся не все израильтяне, но достойные спасения (ибо это значит **остаток**, то есть избранные), которых Бог оставил и отделил, то есть как достойных. Говоря: **как песок морской**, напоминает им о ветхозаветном обетовании (см. Быт. 32, 12), которого они сделались недостойными. Итак, не тревожьтесь, будто обетование нарушено. Все пророки предвозвещают, что не все достойны спасения.

28. Ибо дело оканчивает и скоро решит по правде, дело решительно совершит Господь на земле.

Теперь показывает, как спасется остаток, и говорит, что не нужно трудиться, далеко ходить и утомлять себя делами законными. Бог, говорит, приводящий к концу и коротким способом совершающий слово веры по всей земле, сделает это *по правде*, то есть чтобы оправдать принявших его. *Если устами своими будешь исповедовать Иисуса Господом, и сердцем своим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых; то спасешься* (Рим. 10, 9). Вот сокращенное слово, то есть краткие речения веры.

29. И, как предсказал Исайя: «если бы Господь Саваоф не оставил нам семени, то мы сделали бы, как Содом, и были бы подобны Гоморре».

Сказав, что спасется остаток, теперь объясняет, что это значит, и говорит, что Бог оставил нам избранное семя и хлеб, ибо слово *оставил* употребил вместо «избрал», так что если бы Бог не сохранил одного, то мы подверглись бы истреблению, подобно содомлянам и гоморрянам, как осужденные за грехи свои (см. Ис. 1, 9).

30–31. Что же скажем? Язычники, не искавшие праведности, получили праведность, праведность от веры. А Израиль, искавший закона праведности не достиг до закона праведности.

Здесь дает самое ясное решение, показывая, почему язычники приняты, а израильтяне отвергнуты. Язычники, говорит, держась праведности от веры, действительно оправдались, а израильтяне непрестанно ища *закона праведности*, то есть закон дел, не достигли до праведности; потому что закон, состоявший из дел, не в состоянии был оправдать.

32. Почему? потому что искали не в вере, а в делах закона.

Ты спрашиваешь: почему израильтяне не приобрели праведности, хотя и много домогались ее? Знай, что они искали оправдания не в вере, но будто бы в делах закона.

32–33. Ибо преткнулись о камень преткновения, как написано: «вот, полагаю в Сионе камень преткновения и камень соблазна; но всякий, верующий в Него, не постыдится».

Претывается тот, кто засматривается на что-нибудь стороннее и не обращает внимания на то, что у него под ногами. Так и иудеи, засматриваясь на закон, преткнулись о Христа, то есть не уверовали. А *камнем преткновения* и *скалою соблазна* (Ис. 8, 14) назван Христос по отношению к концу и расположению не уверовавших. Ибо Сам по себе Он положен в основание и опору; потому что говорится: *верующий в Него не постыдится* (Ис. 28, 16), язычник ли то, или иудей, так что все совершает и оправдывает вера, а не дела.

Глава десятая

1. Братия! желание моего сердца и молитва к Богу об Израиле во спасение.

Намереваясь нанести иудеям удар, предваряет его коротким словом, чтобы не подумали, будто последующая речь его происходит от неприязни к ним, и говорит о **желании сердца**, то есть о хотении своем, о сильном желании, даже о молитве своей за иудеев, чтобы они не только освободились от наказания, но и спаслись. Как же, говорит, быть мне неприязненным к вам, когда я молюсь Богу о спасении вашем?

2–3. Ибо свидетельствую им, что имеют ревность по Боге, но не по рассуждению. Ибо, не разумея праведности Божией и усиливаясь поставить собственную праведность они не покорились праведности Бо Сначала, казалось бы, благоприятствует и угождает иудеям, ибо сказав о них: **имеют ревность по Боге, но не по рассуждению**, показывает, что они достойны больше милосердия, нежели наказания. Ревнуют они, говорит, о законе, данном им от Бога, однако ревнуют не по разуму, не желая познать того, что закон престал и упразднился.

Но далее показывает страсть их к спорам и любоначалие. Они старались поставить собственную праведность, то есть праведность от закона, составляемую из собственных их дел и трудов, которая, как павшая уже, не может стоять, и таким образом и своей праведности не поставили и праведности Божией не покорились. Это и есть знак самохвальства и любоначалия, даже неразумия – усиливаться поставить то, что не может стоять, и в этом проводить все время. Праведностию Божиею называется здесь та, которая от веры, которая не зависит от трудов наших, но всецело есть дарование Божие.

4. Потому что конец закона – Христос, к праведности всякого верующего.

Так как поистине назвал праведностию ту праведность, которая от закона, то чтобы, с одной стороны, уверовавшие из евреев не сказали: значит, мы сделали преступниками, когда оставили эту праведность, а с другой – не уверовавшие не могли сказать, что хотя теперь не выполнили они праведности по закону, однако могут совершенно выполнить ее после, апостол, устраняя ту и другую мысль, говорит: **конец закона – Христос**. Чего желал закон и не совершил, то совершил Христос, то есть оправдание человека. Поэтому не говори, уверовавший из евреев, что ты сделался преступником закона, напротив, ты познал волю закона, совершившуюся посредством веры во Христа. С другой стороны, и ты, не уверовавший еще иудей, не надейся сам совершить праведность по закону: совершитель ее Христос. Итак, если хочешь получить праведность, прими Христа верою и будешь иметь все.

5. Моисей пишет о праведности от закона: «исполнивший его человек жив будет им».

Подтверждает сказанное: чего не совершил закон, то совершил Христос, и говорит: Моисей рассуждает об оправдании человека посредством дел (см. Лев. 18, 5). Но как не было ни одного человека, который исполнил бы дела, то оправдание по закону невозможно.

6–9. А праведность от веры так говорит: «не говори в сердце твоём: кто взойдет на небо?» то есть Христа свести. «Или кто сойдет в бездну?» то есть Христа из мертвых возвести. Но что говорит Писание? «Близко к тебе слово, в устах твоих и в сердце твоём»: то есть слово веры, которое проповедуем. Ибо если устами твоими будешь исповедывать Иисуса Господом и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься.

Познав, что дела закона не могут оправдать человека, научись, как без труда и легко оправдываемся мы во Христе: для этого требуется вера от сердца и исповедание от уст. Но нужно пространнее объяснить сказанное: **кто взойдет на небо? или кто сойдет в бездну?** Апостол заимствовал это у Моисея (см. Втор. 30, 11–14), но в том смысле, какой уразумел по своей высокой мудрости. Моисей в буквальном смысле говорит так: «Заповедь Божия лежит, иудей, перед очами твоими, так что тебе нет нужды ни всходить на небо, чтобы найти ее, ни сходить в бездну, ни переходить через море, чтобы там взять ее: она близ тебя, в устах твоих и в уме твоём. Бог все показал тебе посредством закона». Так, кажется, говорит Моисей буквально, но апостол отнес это ко Христу. Не сомневайся, говорит он, и не спрашивай в уме своем: как Христос сошел с небес и воплотился? или, как умерши, восстал из бездны, то есть из преисподних мест? Но веруй, что Он сошел и воплотился, и что, быв погребен, восстал через воскресение; ибо Бог воздвиг Его. Поэтому, и смотря на достоинство Воздвигшего, удобно можно веровать. Что же легче этого, когда ты имеешь спасение в устах своих? А чтобы кто, по причине самой удобности, не почел дело веры достойным презрения, показывает, что помышления неверия противны самой вере и что их должно отражать твердостью. Не говори, внушает, того или другого в сердце своем, то есть никаких сомнений не допускай в мыслях своих.

10. Потому что сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению.

Сердце имеет нужду в устах. Ибо что пользы веровать в душе и не исповедывать перед людьми? Хотя вера оправдывает в уме, но совершенное спасение зависит от исповедания; ибо тогда вера сияет и многих пользует. Но и уста имеют нужду в сердце. Многие исповедуют Христа лицемерно, а сердце их далеко отстоит от Него.

11–13. Ибо Писание говорит: «всякий верующий в Него, не постыдится». Здесь нет различия между Иудеем и Еллином, потому что один Господь у всех, богатый для всех, призывающих Его. Ибо «всякий, кто призовет имя Господне, спасется».

Сказав, что сердцем веруют, а устами исповедуют, приводит из Писания свидетельства о вере и исповедании или призывании. Когда говорит: **всякий верующий**, указывает на веру, оправданный которою не будет постыжен; а когда говорит: **всякий, кто призовет**, указывает на исповедание, содействующее спасение. Итак, теперь всякий, иудей ли или язычник, может быть принят Богом. **Один Господь у всех, богатый для всех, призывающих Его**, иначе сказать: это царь, богатый золотом и серебром. Поэтому, если богатство Его составляют самые верующие, то не отчаивайся, думая, что согрешил так, что не можешь быть прощен. Он примет тебя, чтобы и тебя сделать участником в Своем богатстве.

14–15. Но как призывать Того, в Кого не уверовали? как веровать в Того, о Ком не слыхали? как слышать без проповедующего? И как проповедывать, если не будут посланы? как написано: «как прекрасны ноги благовествующих мир, благовествующих благое!»

Выше сказал, что всякий, кто призовет имя Господне, спасется. Теперь укоряет уже иудеев за то, что не призвали имени Господня. Почему же не призвали? Потому что не уверовали. А почему не уверовали? Потому ли что не слыхали? Нет, слышали. Потом возражение: как могли слышать без проповедующего? Следует опять ответ: нет, были проповедующие, многие таковые посланы были к ним. Из чего же видно, что эти посланные были проповедниками? В ответ на это приводит, наконец, слова пророка: **как прекрасны ноги благовествующих мир, благовествующих благое!** (Ис. 52, 7). Апостолы, обходя вселенную, возвещали не иное что, как неизреченные блага и мир Бога с человеками. Поэтому неверие есть собственная вина тех, которые не приняли проповедников.

16. Но не все послушались благовестующих. Ибо Исайя говорит: «Господи! кто поверил слышанному от нас?» Апостол сказал, что о послании упомянутых благовестников Богом свидетельствуют пророки. Поэтому, чтобы кто не возразил: если они были от Бога, то надобно, чтобы все послушались их, утверждает, что, действительно, не все послушались благовествования, но от этого нет никакого вреда истине. Об этом за много лет говорит Исайя: **Кто поверил слышанному от нас?** (Ис. 53, 1). Слово **кто** употреблено здесь вместо «редкие», то есть не многие поверили слышанному от нас.

17. Итак вера от слышания, а слышание от слова Божия.

Слова эти находятся в связи с предыдущим и представляют как бы вывод из чего-то, прежде сказанного. Но ими апостол высказывает и нечто другое. Иудеи непрестанно искали чудес, даже желали видеть воскресение. Поэтому, говорит, вера от слышания, и не должно требовать ничего более этого слышания; ибо слышание это не простое, не обыкновенных речей, но глаголов Божиих. Поэтому если ищешь чудес, которые происходят от Бога, то верь и словам, которые говорят от Бога.

18. Но спрашиваю: разве они не слышали? Напротив, «по всей земле прошел голос их, и до пределов вселенной слова их».

Кто-нибудь мог спросить: что же из того для иудеев, если благовестники были посланы, а иудеи не слышали? Апостол отвечает: вся вселенная слышала (см. Пс. 18, 5); как же не слышали те, у которых апостолы провели столько времени и от которых произошли? Возможное ли это дело?

19. Еще спрашиваю: разве Израиль не знал? Но первый Моисей говорит: «Я возбужу в вас ревность не народом, раздражу вас народом несмысленным».

Опять новое возражение; если апостолы проповедовали, но иудеи не поняли; разве не заслуживают они извинения? Решает и это возражение.

Но первый Моисей говорит: «Я возбужу в вас ревность не народом, раздражу вас народом несмысленным». Они, говорит, должны были понять, что проповедуется Христос, если не из другого чего, то по крайней мере из того, какой чести удостоились язычники. Они видели, что идолопоклонники вдруг удостоились таких благ и потому должны были проникнуться к соревнованию и заключить, что это тот самый народ, о котором сказал Моисей (см. Втор. 32, 21). Не только величие чести достаточно было к тому, чтобы подвигнуть иудеев к соревнованию, но и то, что удостоился чести народ, до того низкий, что не стоит даже почитаться народом. **Раздражу вас,** сказано, **народом несмысленным.** Что неразумнее язычников, поклонявшихся деревьям и камням?

20. А Исайя смело говорит: «Меня нашли не искавшие Меня; Я открылся не вопрошавшим о Мне».

Сказав, что Моисей говорит первый, упоминает и о другом пророке, который говорит тоже яснее и открытее. **Исайя,** говорит, **смело говорит,** то есть высказывает истину во всей наготе, и ему лучше подвергнуться опасности, нежели молчать. **Меня,** сказано у него, **нашли не искавшие Меня** и которые не вопрошали обо Мне (Ис. 65, 1). Кого Моисей называл народом несмысленным, тех Исайя наименовал ищущими и невопрошающими, то есть невеждами и врагами знания. Итак, из всего этого иудеи должны были понять, что они отвергнуты, другие — приняты.

21. Об Израиле же говорит: «целый день Я простираю руки Мои к народу непослушному и упорному».

Чтобы иудеи не имели права сказать Богу: ты найден язычниками, а с нами не хотел обращаться, пророк присовокупляет: **целый день Я**, то есть во всякое время, **протирал руки Мои**, то есть привлекал вас, но вы оказались народом непослушным и упорным (см. Ис. 65, 2). Следовательно, вы виноваты, а не Я. Я протирал руки свои к вам и призывал вас, но вы не послушались. Отсюда видно, что израильтяне и слышали, и знали, но не хотели покориться.

Глава одиннадцатая

**1–2. Итак, спрашиваю: неужели Бог отверг народ Свой? Никак. Ибо и я Израиль-
тянин, от семени Авраамова, из колена Вениаминова. Не отверг Бог народа Своего,
который Он наперед знал.**

Назвав иудеев народом непослушным, представляет себя сомневающимся, говоря: неужели обетования Божий не исполнились оттого, что народ израильский сделался непослушным? Нет, отвечает. Бог не отверг народа своего, **который Он наперед знал**, то есть о котором знал, что он способен к принятию веры. **Ибо и я Израильтянин.** Потом, чтобы не возразил кто: разве ты один составляешь народ? присовокупляет: не отверг Бог народа своего, то есть и другие, кроме меня, есть три тысячи, есть пять тысяч, есть великое множество из народа, которые уверовали, как показывают Деяния апостольские (2, 41; 4, 4; 5, 14).

2–4. Или не знаете, что говорит Писание в повествовании об Илии? как он жалуется Богу на Израиля, говоря: «Господи! пророков Твоих убили, жертвенники Твои разрушили; остался я один, и моей души ищут». Что же говорит ему Божеский ответ? «Я соблюл Себе семь тысяч человек, которые не преклонили колени перед Ваалом».

Апостолу могли возразить: что ты, Павел, говоришь? Неужели в трех, в пяти тысячах, в великом множестве людей полагаешь ты тот народ, который уподобляется песку и звездам? Поэтому говорит: и при Илии спаслось не более семи тысяч; но и Илия не знал их (см. 3 Цар. 19, 14, 18). И теперь, вероятно, есть много уверовавших. Если вы не знаете их, это не новость: и Илия не знал тех. При сем неприметно касаясь словом другого предмета, показывает, что совершенное ими убийство давно свыше предсказано. Именно: чтобы не сказали они: мы убили Христа, как обманщика, спрашивает: как же убили ветхозаветных пророков предки ваши? разве и те были обманщики? Они смело огорчали? Но как же предки ваши раскопали алтари? неужели и алтари оскорбляли? А как домогались убить самого Илию, ревновавшего об иудеях, славившегося чудотворениями? Если же в те времена, когда так много было порочных людей, Господь избрал для Себя только семь тысяч, как показывает Писание, то есть откровение и слово Божие, то отнюдь ничего нет нового, если Он и теперь избирает только достойных. Это объясняет и далее.

5. Так и в нынешнее время, по избранию благодати сохранился остаток.

И теперь, говорит, есть **остаток**, то есть наилучшие. Когда проведают смолоченное, то в остатке бывает зерно. Так точно и Бог, отвергая дурных, оставляет себе достойных. Когда сказал: **по избранию**, то показал старание спасаемых, потому что они сделались достойны избрания вследствие их старательности, а когда сказал **благодати**, то означил дар Божий.

6. Но если по благодати, то не по делам; иначе благодать не была бы уже благодатью. А если по делам, то это уже не благодать; иначе дело не есть уже дело.

Здесь показывает, что не уверовавшие из евреев не имеют никакого извинения. Вы не можете, говорит, сказать, что Бог требовал от вас дел и трудов. Все есть дело благодати. Почему же не хотите вы спастись, когда такое благо предлагается вам без требования от вас трудов? Поэтому, кто захотел, те и спаслись. Эти-то и составляют народ Божий. Значит, Бог не отверг народа Своего, достойного спасения.

А если по делам, то это уже не благодать; иначе дело не есть уже дело. Если бы мы благоугождали Богу делами, то благодать была бы уже неуместна; а если есть место для благодати, то нет уже дела и дело не есть дело. Ибо где благодать, там не требуется дела; а где дело, там нет благодати.

7. Что же? Израиль, чего искал, того не получил; избранные же получили...

Объяснив, что такое благодать, то есть что она есть дар Божий помимо дел, говорит, что израильтяне, ища праведности, не получили ее, потому что искали ее худо и от дел: чем невозможно получить ее. **Избранные же получили.** Словом **получили** показывает величие благ и то, что все есть дело благодати Божией. И мы в обыкновенной беседе говорим: он получил прибыль, то есть приобрел выгоду без труда.

7–8. А прочие ожесточились, как написано: «Бог дал им дух усыпления, глаза, которыми не видят, и уши, которыми не слышат; даже до сего дня».

В свидетели ослепления их приводит Исаяю, чтобы не показалось, что он говорит свое (см. Ис. 29, 10). Слова **ог дал** сказаны вместо «предоставил», то есть позволил, попустил им иметь **дух усыпления**. Бесчувствием же называет такой навык души к злу, который неисправим и непеременим; ибо быть бесчувственным значит приражаться или прилепиться к чему-нибудь. Они, имея глаза, чтобы видеть чудеса, и уши, чтобы слышать учение Господне, ни теми, ни другими не воспользовались как должно. Так поступили они не в отношении к одному Христу, но и в отношении к апостолам. **Даже до сего дня**, сказано.

9—10. И Давид говорит: «да будет трапеза их сетью, тенетами и петлею в возмездие им; да помрачатся глаза их, чтобы не видеть, и хребет их да будет согбен навсегда».

Так как они, говорит, неприменимы в злобе, то будут подвергнуты крайнему наказанию. **Трапеза их**, то есть все блага и забавы превратятся в противное; они будут уловляемы в сети и пойманы, сделавшись легко пленяемы и одолеваемы всеми и всегда имея в жизни своей соблазны и преткновения. А чтобы видно было, что они потерпят это за грехи, сказал: **в возмездие**. Кроме того, от бедствий помрачились очи их, как душевные, так и телесные. И хребет их согбен (см. Пс. 68, 23–24), ибо они находятся в таком рабстве у римлян, которое никогда не кончится. Это значит слово **навсегда**, то есть они никогда не освободятся от рабства того.

11. Итак спрашиваю: неужели они преткнулись, чтобы совсем пасть? Никак. Но от их падения спасение язычникам, чтобы возбудить в них ревность.

Достаточно укорив иудеев, придумывает теперь для них утешение и спрашивает: **неужели они преткнулись, чтобы совсем пасть?** – то есть неужели они согрешили так, что нельзя уже утешать их никак. Они преткнулись, однако падение их было не таково, чтобы не было средства поправить дело. Во время кончины мира, как далее скажется, и они спасутся.

Но от их падения спасение язычникам, чтобы возбудить в них ревность. Здесь желает выполнить две задачи: во-первых, утешить иудеев, а во-вторых – обуздать надмение язычников. Говорит: спасение стало достоянием язычников, когда иудеи преткнулись и не уверовали. По порядку следовало сперва спастись иудеям, а потом язычникам; но поскольку иудеи оказались неверующими, то избраны язычники. На это указывается и во многих местах Евангелия. А спасены язычники, **чтобы возбудить в них ревность**, то есть чтобы иудеи уязвились честию, оказанною язычникам, и убедились прийти ко Христу по крайней мере из соревнования к ним.

12. Если же падение их – богатство миру, и оскудение их – богатство язычникам, то тем более полнота их.

Если, говорит, иудеи, преткнувшись, приготовили спасение язычникам, и язычники были приняты, когда иудеи были отвергнуты, и падение иудеев стало богатством язычников, то тем более **полнота их**, то есть когда они, обратившись, все спасутся. Так говорит в приятность иудеям и в утешение их. Ибо хотя иудеи пали, однако язычники не спаслись бы, если бы не имели веры.

13–14. Вам говорю, язычникам. Как Апостол язычников, я прославляю служение мое. Не возбуждали ревность в сродниках моих по плоти и не спасу ли некоторых из них?

Опять утешая иудеев, сокрушает надмение язычников, говоря: хвалю вас по двум причинам: во-первых, потому, что, быв поставлен в учителя вам, имею нужду прославлять **служение мое**, то есть вас, а во-вторых – потому, что имею в виду возбудить к ревности **сродников моих по плоти**, то есть – иудеев. Словом **плоть** показал свое родство с иудеями и нежную любовь свою к ним. **И не спасу ли**, – не сказал – «всех», но – **некоторых**. Ибо неприметно обнаруживает их жестокосердие; потому что могло стать, что некоторые, воспламенившись соревнованием, будут подражать язычникам и уверуют.

15. Ибо если отвержение их – примирение мира, то что будет принятие, как не жизнь из мертвых?

Если, говорит, прогневавшись на них, столько даровал другим, и сделал врагов друзьями, то чего не дарует, когда примет их? Тогда будет **жизнь из мертвых**, то есть нескончаемые блага; ибо на них указывает под словом **жизнь**. Вместе с этим намекает и на нечто возвышеннейшее, именно на то, что как воскресение из мертвых будет зависеть не от принятия иудеев, так и спасение других будет зависеть не от них же, если те не будут иметь веры. Все это говорит, казалось бы, в пользу иудеев, подавая им освежающее питье, как часто поступают врачи с тяжело больными.

16. Если начаток свят, то и целое; и если корень свят, то и ветви.

Начатком и **корнем** называет патриархов, а **целым** и **ветвями** – тех из потомков их, которые уверовали. Итак, утешает неверующих евреев, говоря: и вы будете святы, если уверуете. Ибо необходимо, чтобы целое и ветви были подобны начат – ку, то есть то – начатку, а эти – корню. Если же вы не уподобились им, то это служит признаком великой порочности.

17–18. Если же некоторые из ветвей отломились, а ты, дикая маслина, привился на место их и стал общником корня и сока маслины, то не превозносишься перед ветвями. Если же превозносишься, то вспомни, что не ты корень держишь, но корень тебя.

Отломившимися ветвями назвал неверных евреев; ибо они сделались недостойными святого корня. И прекрасно сказал: **отломились**, ибо никогда Бог не отвергал их так, хотя они многообразно согрешали. А вместо их, отломившихся, привит, говорит, ты, язычник. Не сказал – «ты посажен», но **привился**, и тем уязвляет иудея и показывает, что на древе иудея, то есть на патриархах, стоит язычник и **стал общником корня и сока**, то есть достиг от Бога одинаковых с иудейскими благородства и славы. Итак, не возносись и не тщеславься перед ветвями.

Если же превозносишься, то вспомни, что не ты корень держишь, но корень тебя. Что же пользы от этого отломившимся ветвям? Ведь носить свойственно корню. Видишь ли, как только по видимости хвалит иудеев, стараясь лишь утешить их? Впрочем, и этим поощряет иудеев к ревности, показывая понесенный ими вред и то, как другие получили их собственность и владеют ею.

19–20. Скажешь: «ветви отломились, чтобы мне привиться». Хорошо. Они отломились неверием, а ты держишься верою: не гордись, но бойся.

Здесь доказывает, что язычники не потому избраны на место иудеев, что иудеи согрешили, но за веру, которую обнаружили язычники. Итак, где, казалось бы, низлагает язычника, там показывает, что падение иудеев было неизвинительно. Но исправляет он тех и других. Ты, язычник, скажешь, что ветви отломились, чтобы тебе привиться? Да, отломились, но своим неверием, а не потому, будто Бог обязан тебе честью тою: ибо **ты держишься верою**, привившись к корню. Поэтому **бойся**; потому что привитие не есть дело природы, но веры.

21. Ибо если Бог не пощадил природных ветвей, то смотри, пощадит ли и тебя.

Иудеи были сыновьями патриархов по природе, однако неверием отломились. Тем более бойся ты, привитый, пощадит ли Бог тебя в случае твоего падения.

22–23. Итак видишь благодать и строгость Божию: строгость к отпавшим, а благодать к тебе, если пребудешь в благодати Божией, иначе и ты будешь отсечен. Но и те, если не пребудут в неверии, привьются, потому что Бог силен опять привить их.

Не сказал – **видишь** «заслугу свою», но – **благодать Божию**; ибо все есть дело благодати Божией. И пребывать старайся – не сказал – «в вере», но – **в благодати**, то есть до конца жизни делай достойное человеколюбия Божия. Если не будешь поступать так, то будешь отсечен. Так и иудеи были бы привиты, если бы не продолжали оставаться в неверии; ибо не Бог сначала отсек их, но они сами по себе отпали и отсеклись неверием своим. Говоря, что Бог **не пощадил**, имеет в виду, что Бог не милует иудеев, но почитает их недостойными общения и общества святых предков. Весьма мудро устрашает Павел язычника тем, что случилось с иудеями, а иудею примером случившегося с язычниками внушает смелость привиться верою и облагоднадеживает его упованием на могущество Божие. **Силен**, говорит, Бог привить их; Он делает все, что превышает надежды наши.

24. Ибо если ты отсечен от дикой по природе маслины и не по природе привился к хорошей маслине, то тем более сии природные привьются к своей маслине.

Если, рассуждает, если ты, язычник, которому по естеству сродно зло и который имеешь предков, подобных дикой маслине, отсечен от них верою, и, что было не в природе твоей, привит к хорошей маслине, то есть к патриархам, то не тем ли паче возвратится к своей маслине, то есть к отцам своим, иудей, которому по природе сродно добро? Когда же слышишь, что Павел говорит: **по природе**, то понимай: естественно и последовательно например: естественно было, чтобы сын святого Авраама был свят. Наоборот, выражение: **не по природе** понимай: неестественно и непоследовательно, например: неестественно, чтобы сын скверного язычника был свят.

25–26. Ибо не хочу оставить вас, братия, в неведении о тайне сей, – чтобы вы не мечтали о себе, – что ожесточение произошло в Израиле отчасти, до времени, пока войдет полное число язычников; и так весь Израиль спасется...

Тайною называет здесь неведомое и сокровенное. В чем же состоит эта тайна? В том, что евреи не все не уверовали, но отчасти ожесточились. Из них уверовали многие, о которых, как выше сказано, наперед знал Бог, и многие уверуют впоследствии; ибо израильтяне ожесточились, пока спасутся все предузнанные Богом язычники; тогда и Израиль весь спасется, очевидно, уверовав.

26–27. Как написано: «придет от Сиона Избавитель, и отвратит нечестие от Иакова. И сей завет им от Меня, когда сниму с них грехи их».

Опять приводит Исайю, который восклицает, что придет от Сиона могущий спасти и очистить грехи израильтян (см. Ис. 27, 9; 59, 20–21). Когда же это будет? **Когда сниму с них грехи их**, то есть когда удостою их отпущения посредством крещения. Поэтому хотя не получили они отпущения грехов теперь (ибо ожесточены), но это исполнится впоследствии.

28–29. В отношении к благовестию, они враги ради вас; а в отношении к избранию, возлюбленные Божий ради отцов. Ибо дары и призвание Божие непреложны.

Поскольку, говорит, вы покорились Евангелию и приняты Богом, то они стали упорнее и более отшатнулись и сделались врагами; но так как предки их изначально избраны Богом, то Бог не попустит им погибнуть совершенно (ибо они **возлюбленные**}, но примет их, если уверуют.

30–31. Как и вы некогда были непослушны Богу, а ныне помилованы, по непослушанию их, так и они теперь непослушны для помилования вас, чтобы и сами они были помилованы.

Вы, говорит, называвшиеся прежде язычниками, не захотели послушаться: поэтому избраны были и получили закон иудеи. Опять, когда призваны были иудеи и не послушались Христа, избраны и помилованы вы. Но помилование нас будет и их помилованием: они будут соревновать вам и уверуют, и таким образом удостоятся вашего помилования.

32. Ибо всех заключил Бог в непослушание, чтобы всех помиловать.

То есть обличил, объявил непослушными, чтобы спасти одних упорством других. Ибо прежде, когда непослушны были язычники, спас, как сказано, евреев; опять, когда не слушались Христа иудеи, спасены язычники: когда же спасены язычники, спасутся, соревнуя им и иудеи, и таким образом все будут помилованы.

33. О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!

Размышляя о домостроительствах Божиих от начала мира, о том, как Бог устроит противоположное через противоположное и посредством одних непокорных показывает покорными других, пришел в изумление, удостоверяя тем, что Тот, Кто так устроит дела наши, непременно устроит и будущее спасение иудеев. **Богатством** называет благодать, глубина которой только приводит в изумление, а величие которой неизвестно: ибо обогатить так язычников есть дело богатства. Вместе с благодатью изумляется и **премудрости**, посредством которой Бог управляет жизнью нашею и умудрил невежественных язычников, **введению**, посредством которого Он знает, что полезно каждому. О путях же не сказал – «непостижимы», но – **неисследимы**, то есть не могут даже быть исследуемы. **Пути Его**, то есть способы домостроительства, не только не могут быть постигнуты, но даже исследованы, то есть нельзя даже видеть следа их.

34–35. Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему? Или кто дал Ему наперед, чтобы Он должен был воздать?

Один Он, говорит, знает дела свои, а кроме Его никто другой. Будучи премудр, Он не от совета с другим заимствует премудрость, но сам по себе был и есть самодоволен. Он же есть и источник всех благ и что только дает, дает не как обязанный вознаграждать, подобно взявшему что у другого, но по своей благодати. Ибо **кто дал Ему наперед** то есть Богу, чтобы воздалось ему? то есть чтобы даруемое Богом благодеяние почиталось отдачею тому, кто дал?

36. Ибо все из Него, Им и к Нему. Ему слава во веки, аминь.

Он Сам есть источник всего: это значит: *из Него*. Он и поддержка всего: это значит: *Им*. Все имеет начало от Него, и Им сотворено, и все стоит и держится, опираясь на Нем как на основании каком.

Ему слава во веки, аминь. У Павла в обычае заканчивать речь благодарением, когда говорит он о чем-нибудь важном. Так поступает он и теперь. Так как он исполнился изумления благости, премудрости, ведению и способам домостроительства Божия, то и славословит наконец Бога, научая тем и нас благодарить Бога за великие блага и прославлять его словами и жизнью.

Глава двенадцатая

1. Итак умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего.

Достаточно побеседовав о догматах, переходит, наконец, к нравственному учению. Так как показал неизреченное домостроительство о нас и благодать Божию, то умоляет **милосердием Божиим**, то есть самое милосердие Божие представляет умоляющим, чтобы хотя его устыдились и не обнаруживали ничего, недостойного оно. О чем же умоляет? О том чтобы мы представили тела свои, то есть отдали их, на брань. Так обыкновенно выражаются в просторечии: полководец представил войска свои на войну. Или: мы должны представить члены свои Богу, как царю, неукоризненными и наилучшими; ибо таковые предстоят царю. Потом, мы должны представить их в жертву живую; ибо когда умерщвляем их, тогда живем по духу. Итак, жертва иудейская не благоугодна Богу. **К чему Мне**, сказано, **множество жертв ваших?** (Ис. 1, 12). Но жертвы верующих, то есть словесного служения, сильно требует Бог. **Принеси Богу**, сказано, **жертву хвалы** (Пс. 19, 14), и: **кто приносит в жертву хвалу, тот чтит Меня** (Пс. 49, 23). А состоит разумное служение не в том только, чтобы обращаться к Богу посредством слова, но и в том, чтобы жить по-христиански, чтобы не царствовала в нас никакая бессловесная страсть, но всем управлял ум, и чтобы каждый был как бы архиереем для самого себя, закалая кроющееся внутри себя зло, представляя себя всегда стоящим пред Богом и трепеща от страха при всяком действии и слове подобно первосвященнику, предстоящему у жертвенника Божия.

2. И не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная.

Предлагает способ, как можно нам совершать словесное служение. Он состоит в том, чтобы мы не сообразовались с веком сим; ибо в нем ничего нет постоянного и прочного, но все временно и имеет только наружный образ, а не сущность или пребывающее существо. Итак, не сообразуйтесь, говорит, и вы **с веком сим**, не имеющим постоянной сущности, то есть не помышляйте о находящемся в нем. **Но преобразуйтесь обновлением ума вашего**, то есть всегда обновляйтесь. Ты согрешил? Душа твоя обветшала? Обнови ее. Ты отчасти исправил нравственность свою? Постарайся исправлять ее более и более, и ты станешь новым, преобразуясь всегда к лучшему. Заметь же, что мир назван наружным образом, означая тем его удобообразуемость и временность, а добродетель назван существенным образом, так как она имеет природную красоту и не нуждается в наружных личинах и прикрасах. Мир имеет наружный образ, чтобы ввести нас в обман, а добродетель показывает свой существенный образ без личин. Поэтому мы должны всегда преобразоваться по добродетели, обновляя себя от зла на добро и от меньшей добродетели к большей.

Чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная. Сказав, чтобы мы всегда обновлялись, делаясь новыми, показывает, какая польза от этого обновления ума. Оно, говорит, полезно, **чтобы вам познавать, что есть воля Божия**. Кто обветшал умом, тот не знает, в чем состоит воля Божия, не знает, что Бог хочет, чтобы мы жили в смиренномудрии, любили нищету, плакали и исполняли все прочее, заповеданное нам Богом. Напротив, кто обновлен духом, тот знает, в чем состоит воля Божия, знает точно так же, как и иудеи, держащиеся закона. Волею Божиею был и закон, но не благоугодною и не совершенною; потому что дан был не как главная воля, но как приспособленная к слабости иудеев. Совершенная же и благоугодная воля Божия есть Новый Завет. Впрочем, согласно с

Василием Великим,³ можешь и так понимать. Много такого, чего хочет Бог. Иного хочет Он для благотворения нам: это называется благим, как исполненное благодати; иного же хочет Он, как прогневаемый грехами нашими: это называется злым, как огорчающее нас, хотя и его цель – благо. Поэтому, чего хочет Бог для благотворения нам, тому и мы должны подражать, а что возбуждает чувство скорби, того не должно нам делать; ибо не мы служители зла, но лукавые духи. Поэтому, во-первых, подмечай волю Божию, благая ли она; потом, когда узнаешь это, смотри, угодна ли Богу эта воля. Ибо много такого благого, которое не благоугодно Богу, потому что делается или не в то время или не тем лицом, как бы надлежало. Например, благо, чтобы кадили Богу; но когда сделал это Озия, то не благоудил Богу (см. 2 Пар. 26, 16). Еще: благо было, чтобы ученики узнали тайны, но чтобы они узнали их прежде времени, это не благоугодно было: **вы**, говорит, **теперь не можете вместить** (Ин. 16, 12). Когда же что окажется благим и благоугодным, то постарайся, чтобы это совершено было и без недостатков, точно так, как требуется, без отступления от того. Например: раздавать надобно **в простоте** (Рим. 12, 8), то есть с щедростью; но если это делается со скупостью, то раздача не точно согласна с требуемым относительно ее.

3. По данной мне благодати, всякому из вас говорю: не думайте о себе более, нежели должно думать; но думайте скромно, по мере веры, какую каждому Бог уделил.

Павел, как смиренномудрый, никогда не почитает достаточными собственные слова, но в подтверждение их представляет то милосердие Божие, то благодать. Я, говорит он, не от себя предлагаю слово, но от Бога, внушенное мне благодатию Его. **Не думайте о себе более, нежели должно думать**, говорит он всякому, и простецу, и начальнику; а рассуждает прежде всего о смиренномудрии, подражая Господу, который начал с этого: **блаженны нищие духом** (Мф. 5, 3). Смысл слов его такой: должно **думать**, то есть иметь высокую мысль, но для того, чтобы думать о небесном и возвышаться над земным, а не для того, чтобы возноситься над ближними: это значит **думать более, нежели должно думать**.

Но думайте скромно (ц. – сл.: «в целомудрии»)… Мы получили благоразумие для того, чтобы обращать его не в высокоумие, но в **целомудрие**, то есть в смиренномудрие. Так сказал, чтобы показать, что высокоумный сумасбродствует и вышел из ума своего, а смиренномудрый имеет здравые мысли и потому называется целомудренным.

По мере веры, какую каждому Бог уделил. Сказав, что мы не должны высоко думать о себе, указывает теперь, как должно думать о себе скромно, и говорит, что должно думать о себе скромно, помышляя, что Бог каждому уделил меру веры. Так как по причине дарований духовных многие впали в высокоумие, то и говорит, что должно думать о себе скромно потому, что Бог каждому уделил меру веры. Ибо это не от твоего зависит успеха, но есть Божественное дарование: велико ли оно, мало ли, но даровал его Бог. Дарованием называет здесь ту веру, которою творили чудеса. Ибо вера двух родов: одна принадлежит нам, например: **вера твоя спасла тебя** (Мф. 9, 22), а другая есть дар Божий: это та вера, которою совершаются чудеса, например: **если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: перейди отсюда туда, и она перейдет** (Мф. 17, 20).

4–5. Ибо, как в одном теле у нас много членов, но не у всех членов одно и то же дело, так мы, многие, составляем одно во Христе, а порознь один для другого члены.

Примером тела и членов низлагает великое возношение высокоумия. Тело одно, но имеет различные члены, совершающие различные действия. Так точно и мы, верующие, составляем одно тело во Христе, как главе, а порознь мы один для другого члены, не только

³ Св. Василий Великий. Правила, кратко изложенные.

малый для большого, но и большой для малого. Итак, не превозносите друг перед другом: как члены, вы имеете нужду друг в друге.

6. И как, по данной нам благодати, имеем различные дарования, то имеешь ли пророчество, пророчествуй по мере веры.

Не сказал «имея дарования большие или меньшие», но – *различные*. Так самым именем смиряет превозносящихся! И не добродетелями называет, *ко дарованиями*. То, что получил ты, говорит, есть дарование Божие, а не твое дело: это дала тебе *благодать*. Итак, чтобы смирить превозносящихся, говорит, что это дано Богом и называет это дарованиями; а чтобы возбудить ленивых, показывает, с другой стороны, что для получения дарований и мы приносим нечто, и говорит: *пророчествуй по мере веры*. Хотя это благодать, но изливается не просто, а проливает столько, сколько вмещает сосуд веры, представленный ей. Почему упоминает сначала о пророчестве? Может быть, и без особенной причины, а вероятно, потому, что некоторые превозносились этим дарованием. Если же превозносились, то почему Бог не лишил их дарования? Для пользы людей, и в наставление нам, чтобы мы не осуждали имеющих дарования и тогда, когда они согрешают. Если Я, говорит Бог, не отнимаю благодати Своей, то кто ты, уничижающий имеющего дарование?

7. Имеешь ли служение, пребывай в служении; учитель ли, – в учении.

Есть служение и дарование особенное в чине церковном, каково служение семи диаконов. Но здесь под именем *служение* разумей вообще всякое духовное дело. Какое, говорит, получил ты служение, в исправлении того *пребывай* (это слово должно приложить здесь), не ищи чего-либо большего, и не превозносись перед другим, а будь доволен тем, что получил.

Учитель ли, – в учении. Если принять служение в общем смысле, то далее перечисляются виды его. Если же разуметь служение особенное (диаконское), то заметь, как сперва упомянул о низшем, а потом положил высшее, то есть учение, не наблюдая порядка, и тем самым поучая нас не гордиться и не превозноситься тем, что кажется нам высшим.

8. Увещатель ли, увещевай; раздаватель ли, раздавай в простоте; начальник ли, начальствуй с усердием; благотворитель ли, благотвори с радушием.

И утешение есть вид учения. Ибо учением называется вообще рассуждение о всяком предмете, а утешением собственно то, когда кто успокаивает словом души, возмущенные скорбью или гневом. Итак, утешающий, говорит, пусть пребывает в утешении, делая свое дело, и не превозносится перед другим.

Раздаватель ли, раздавай в простоте; начальник ли, начальствуй с усердием. Сказав об учении и утешении, то есть о том, что относится к попечению о душах, теперь говорит о телесном, как занимающем второе место. *Простотой* называет щедрость; следовательно, учит раздавать с щедростью. Ибо никакая добродетель не бывает добродетелию, если совершается не надлежащим образом. Так и девы хотя имели елей, но имели его недостаточно, почему и отвержены. И предстоятель должен проходить служение свое тщательно и не леностно. *Начальствовать* же значит вспомоществовать тому, кто требует помощи, словом и делом. Так как сказал о раздаянии имущества, а имуществом изобилуют не все, то присовокупляет: будь предстоятелем другим образом и помогай нуждающимся, только со тщанием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.